

Шейла Барнфорд. Невероятное путешествие

Моим родителям — И.П. и В. Г. Эвери и их внукам Перонелу, Джонквилу и Джульет, которые росли, испытывая на себе тиранию славного белолопного Билла.

1

Это произошло в Канаде, на северо-западе широко раскинувшейся провинции Онтарио, — в крае нетронутой лесной глуши, бесконечных цепей пустынных озёр и стремительных рек. Тысяч миль просёлков, бревенчатых лежнёвок, заросших лесных дорог, ведущих к заброшенным приискам, и тропок, не отмеченных ни на одной карте, пересекают провинцию вдоль и поперек. Это страна уединённых ферм, маленьких городов и деревень, одиноких хижин промысловиков и лагерей лесорубов. Почти вся промышленность края работает на крупные целлюлозно-бумажные компании, их лесозаготовительные концессии вторглись в самую глубь лесов; есть здесь и шахты — земля богата полезными ископаемыми.

Это край трапперов и индейцев, на тихие лесные озера прилетают иногда и охотники на маленьких самолётах-амфибиях, живут здесь и мечтатели, давно потерявшие связь с реальной жизнью, живут люди, удалившиеся от цивилизации навсегда. Но все они — не больше чем горсть песка в океане пустыни, край этот — край безмолвия и тишины, царство диких зверей, которым никто и ничто не мешает. (Траппер — охотник на пушного зверя в Северной Америке.)

Тут водятся лось и олень, бурый и чёрный медведь, рысь и лиса, бобры, ондатра и выдра, норка и куница. Во время перелётов вдаль здесь отдыхают дикие утки и канадские гуси. В лесных озерах и прозрачных реках множество рыбы: кета и пёстрая форель, хариусы, щуки и белые сиги.

Почти полгода страна покрыта снегом: долгие недели температура держится много ниже нуля; весна не наступает здесь постепенно —

вдруг, неожиданно и бурно приходит короткое лето, все буйно растёт и цветёт, а затем — также внезапно — наступает осень.

Для обитателей края осень — прекрасное завершение года. Стоят прохладные, хотя и солнечные дни, воздух бодрит, голубое небо безоблачно, медленно кружатся листья, всюду, насколько видит глаз, — горящие яркими красками деревья в осеннем убранстве.

Вот по этой стране и прошли три путешественника и это было в дни короткого индейского лета.

Джон Лонгридж жил в нескольких милях от маленького города в старом каменном доме, принадлежавшем его семье уже несколько поколений.

Это был высокий, суровый, привлекательный мужчина лет сорока, холостяк, писатель по профессии, автор нескольких исторических биографий. Он проводил много времени в путешествиях, собирая материал для книг, но всегда возвращался в свой удобный старый дом, где много и с удовольствием работал. Он любил его уют, который поддерживала пожилая чета — миссис Оукс и её муж Берт, жившие в небольшом коттедже в полумиле от Лонгриджа. Миссис Оукс ежедневно приходила убирать и готовить, Берт топил печи, ухаживал за садом, и делал другую работу. Они тихонько занимались своим делом, не нарушая покоя Лонгриджа, между всеми ними царил полное согласие.

Накануне события, о котором пойдёт речь, примерно в конце сентября, Лонгридж сидел у горящего камина в своей уютной библиотеке. Шторы были задёрнуты, по книжным полкам и потолку скользили, играли блики огня. Маленькая затенённая лампа бросала пятно света на стол, возле которого стояло глубокое кресло.

В комнате было очень тихо. Слышался лишь треск поленьев да шуршание газеты, которую читал Лонгридж, читал с трудом, потому что на коленях у него дремал пшеничного цвета сиамский кот, подобрав под себя шоколадные передние лапы; сапфировые глаза его щурились, когда он глядел в огонь.

На полу, положив костистую, в шрамах, голову на ногу хозяина, растянулся старый, белый английский бультерьер. Его миндалевидные глубоко посаженные глаза с розоватыми ободками были закрыты; большое треугольное ухо на фоне пламени казалось розовым и почти прозрачным.

Неискушённый человек нашёл бы бультерьера с его угловатым профилем, приземистым туловищем на коротких лапах и хвостом, похожим на ремённый хлыст по меньшей мере странной и безобразной собакой. Но истинный ценитель увидел бы в старом псе настоящую породу: крепкие мышцы и сухожилия, унаследованные от предков, привыкших к суровой борьбе, говорили, что это любопытная смесь злости и бесстрашия с преданностью и понятливостью.

Пёс дёргался и часто вздыхал во сне, как все старые собаки, облезлый же хвост его был неподвижен.

У двери, положив морду на лапы, лежала вторая собака. Её карие внимательные глаза глядели настороженно. Это был большой рыжий лабрадор — легавая собака могучего сложения с широкой благородной головой и длинной, но тупой на конце доброй мордой — потомок сильных и трудолюбивых собак. Лонгридж встал с кресла, осторожно сняв с колен кота и высвободив ногу из-под головы старой собаки, подошёл к окну и отёрнул тяжёлый занавес.

Большая оранжевая луна вставала из-за деревьев в дальнем конце сада. Ветер легонько постукивал в окно веткой старой сирени. Было так светло, что Лонгридж ясно увидел весь сад, листья, медленно летящие через лужайку, и поздние астры на клумбах.

Лонгридж отошёл от окна, пройдя через комнату, включил верхний свет и открыл стенной шкафчик. Там на подставках стояло несколько ру-

жей, и он внимательно стал их разглядывать, ласково касаясь пальцами гладких ложей. Наконец, он выбрал прекрасное двуствольное охотничье ружьё с тонкой гравировкой; открыл его и заглянул в поблескивающее дуло.

Лабрадор тотчас же бесшумно поднялся и наострил уши.

Хорошо смазанное ружьё открылось и закрылось с лёгким щелчком, собака заскулила, в её глазах был упрек. Лонгридж поставил ружьё на место. Пёс снова уже лежал отвернувшись. Лонгридж подошёл к нему, нагнулся, чтобы приласкать его, но тут зазвонил телефон так неожиданно и пронзительно в этой тишине, что кот возмущённо спрыгнул с кресла, а бультерьер неловко вскочил на ноги. Лонгридж поднял трубку и услышал далёкий прерывающийся голос миссис Оукс.

— Говорите громче, миссис Оукс! Я плохо вас слышу!

— Я вас тоже, — ответила она. — Сейчас лучше? В котором часу вы уезжаете утром, мистер Лонгридж?.. Как?.. Вы можете громче?

— Примерно в семь! Хочу попасть на Хирон-лейк до темноты! — кричал Лонгридж, потешаясь возмущённым видом кота. — Но вам незачем приходить к этому времени, миссис Оукс...

— Что вы сказали? В семь? А ничего, если я приду около девяти? Моя племянница приезжает ранним автобусом и мне хотелось бы её встретить. Но я боюсь оставлять собак одних долго...

— Разумеется, встретьте её! — прокричал Лонгридж во всё горло, так как шум в трубке усилился. — С собаками всё будет в порядке. Я выведу их утром...

— Благодарю вас, мистер Лонгридж. Около девяти я непременно буду. Что вы сказали о собаках? Не беспокойтесь за них, мы с Бертом посмотрим... скажите старому Боджеру... приносить мозговые косточки... О, подождите, я сейчас...

Но Лонгридж не успел ответить — телефон вдруг замолк. Он с облегчением положил трубку и огляделся.

Старый пёс влез на кресло и, теперь, прикрыв глаза, лежал и ждал хозяина. Лонгридж, напустив на себя свирепый вид, назвал его подлым

приспособленцем, изнеженным варваром, позором своих предков и его хозяина. Тут он сделал паузу и с ударением произнёс:

— Очень гадкая собака!

Услышав эти страшные слова, терьер прижал уши, скосил глаза, так что они скрылись за веками, растянул губы в своём роде извиняющейся улыбке и задёргал кончиком безобразного хвоста. Эта пародия на скорбь вызвала у Лонгриджа улыбку, он похлопал пса по костлявой голове и поманил вниз, приглашая погулять.

Старая собака — настоящий клоун — съехала наполовину с кресла, так что задние лапы остались на сидении, замахала хвостом и слегка подтолкнула кота, сидящего на полу, как египетская статуя, закрыв глаза и подняв голову. Кот издал гортанный звук и ударил лапой по розово-чёрному носу бультерьера. Затем они вместе кинулись к двери, где их уже ждала молодая собака, чтобы вместе пойти на прогулку.

Лонгридж отворил дверь, ведущую в сад, и обе собаки и кот, толкаясь, протиснулись мимо его ног и выбежали на свежий ночной воздух.

Он стоял на крыльце, спокойно дымя трубкой, и наблюдал за животными. Ритуал их вечерней прогулки никогда не менялся: первые несколько минут каждый в одиночку исследовал местность, затем наступал момент, когда все трое собирались у бреши в ограде сада, и, помедлив немного, выскакивали наружу, в раскинувшиеся за забором поле и лес.

Лонгридж следил за ними, пока они не исчезли в темноте (дольше всех, конечно, был виден белый бультерьер). Тогда Лонгридж выбил свою трубку о каменную ступеньку и возвратился в дом они вернутся не раньше чем через полчаса.

Лонгридж вместе с братом владели небольшой хижинкой на берегу озера Хирон-лейк, милях в двухстах от дома. Дважды в год они проводили там вместе две-три недели, живя так как им хотелось: осенью охотились, а весной ловили рыбу.

Прежде Лонгридж просто запирал дом и уезжал, оставляя ключ миссис Оукс, которая раза два в неделю приходила, чтобы протопить и

проветрить его. Но теперь появились эти животные. Он собрался было отвезти их на это время в город, в питомник, но миссис Оукс энергично запротестовала — она успела привязаться к неразлучному трио — и заявила, что будет присматривать за ними — это лучше, чем поместить бедных бессловесных тварей в клетки, где они, не дай бог, подохнут с голоду!

Итак, было условлено, что миссис Оукс с мужем будут опекать трёх питомцев Лонгриджа во время его отсутствия. У Берта как раз сейчас была работа в саду, так что животные смогут большую часть времени проводить на улице, а миссис Оукс взялась их кормить и приглядывать за ними в доме.

Уложив вещи, Лонгридж вошёл в библиотеку, чтобы задёрнуть шторы и тут вспомнил, что не напомнил миссис Оукс о том, что следует заказать кофе и пополнить запас продуктов в доме. Сев за письменный стол, Лонгридж вырвал листок из блокнота.

«Дорогая миссис Оукс, — писал он, — пожалуйста, закажите ещё кофе и восстановите запас консервов. Я возьму собак (и Тао тоже, разумеется)...»

Он исписал весь маленький листок бумаги и, вырвав ещё один, продолжал:

«...на прогулку перед тем, как уехать я дам им чего-нибудь поесть, так что не особенно верьте нашему жадному белому другу, если он станет прикидываться, будто умирает с голоду. Не слишком волнуйтесь за них — уверен, что все будет прекрасно».

Последние несколько слов он написал с улыбкой. Миссис Оукс была всецело предана бультерьеру, чем тот частенько пользовался — и всегда с неизменным успехом.

Лонгридж положил записку на стол под стеклянное пресс-папье и отворил дверь, в которую уже скреблись животные.

Старый пёс с котом вбежали в комнату, впустив струю свежего воздуха, со двора, и, как всегда, радостно приветствовали Лонгриджа. Молодой же пёс вошёл невозмутимо и встал, со стороны наблюдая, как бульте-

рьер хлестал хвостом по ногам человека, а кот прижимался к ним, мурлыча на всю комнату, пока хозяин не погладил его. Тогда кот пошёл в библиотеку и свернулся у тёплого камина. Позже, когда остывала зола, он обычно перебирался на радиатор, а иногда среди ночи прокрадывался наверх и сворачивался рядом со старым псом. Бесплезно было запира́ть двери в спальню или в другую комнату: кот открывал все, будь они со щеколдами или задвижками. Лишь гладкие и скользкие фарфоровые ручки не поддавались его длинным обезьяньим лапам.

Молодая собака улеглась на своём коврикe в маленьком чулане за кухней, а бультерьер вскарабкался по крутой лестнице на второй этаж и устроился в своей корзинке, в спальне, где уже укладывался спать Лонгридж. Почувствовав, что его накрыли старым шерстяным одеялом, пёс приоткрыл один глаз, а затем сунул голову под коврик, уверенный, что скоро наступит тот счастливый час, которого он ждёт.

Человек лежал без сна, думая о предстоящей поездке и о животных: его волновало, что в глазах молодой собаки часто появляется тоскливое выражение.

Это странное и симпатичное трио появилось в доме Лонгриджа восемь месяцев назад: животные перешли к нему из дома старого друга и однокашника Джима Хантера, профессора, филолога небольшого университета. В этом университете была одна из замечательнейших справочных библиотек во всей провинции, и Лонгридж часто наезжал к Хантеру, будучи к тому же крестным отцом его девятилетней дочери Элизабет.

Лонгридж как раз гостил у них, когда профессору пришло приглашение из одного английского университета прочесть там цикл лекций. Для этого нужно было провести в Англии около девяти месяцев. Лонгриджа тронули слёзы крестницы и мрачное молчание её брата Питера, когда они узнали, что на время отъезда их любимцев отдадут в питомник, а дом сдадут в наём.

Лонгридж очень любил Элизабет и Питера и понимал их чувства, вспоминая, как много значила для него самого дружба с охотничьим спа-

ниелем в годы его довольно одинокого детства и как он горевал, когда пришлось впервые разлучиться с четвероногим другом.

Итак, семья профессора уехала, оставив ему своих любимцев; разлука сопровождалась горькими слезами Элизабет и бесчисленными наставлениями Питера.

Первые несколько дней Лонгридж чуть ли не раскаивался, что взял животных: терьер томился в своей корзинке, положив длинную горбоносую морду на лапы, и непрерывно следил одним глазом, в котором были отчаяние и мука, за Лонгриджем; кот едва не свёл его с ума своим бесконечным мяуканьем, похожим на козлиное блеяние, тоскливыми завываниями, молодой же пёс не хотел ходить на прогулки и отвергал всякую пищу.

Но спустя несколько дней, покорённые добродушным ворчанием миссис Оукс, подсовывавшей лакомые кусочки, кот и старый пёс отказались от голодовки и даже стали проявлять к своему новому хозяину некоторую привязанность. И в то же время было заметно, что старая собака продолжала скучать без детей.

Сначала Лонгридж удивлялся, куда исчезает иногда терьер после полудня; потом оказалось, что он убегает на площадку для игр, у небольшой сельской школы по соседству: он появлялся там во время перемен и пользовался огромной популярностью среди детей. При этом, зная, что такого рода экскурсии ему запрещены из-за плохого зрения и привычки невозмутимо ходить посреди проезжей дороги, пёс нашёл короткий путь, напрямик через поле.

Совершенно иначе держалась молодая собака. Она, очевидно, ни на минуту не переставала скучать по дому и хозяину, и, хотя хорошо ела и её шерсть уже снова лоснилась, упорно сторонилась всех, сохраняя величественную неприступность.

Человек уважал её за это, но это его и тревожило: собака находилась все время в напряжении, непрерывно чего-то ждала и прислушивалась к чему-то за стенами дома.

Хантеры должны были вернуться примерно недели через три и Лонгридж чувствовал, что станет очень скучать по своим новым друзьям. Оказалось, животные заняли в его жизни гораздо больше места, чем он предполагал, и сейчас, лежа в постели, он думал о том, что через месяц наступит расставание, и оно принесёт ему боль. Ему даже не хотелось думать о том, какая унылая тишина воцарится в его доме.

Наконец, он уснул. В окно заглянула тусклая луна; свет её разбудил кота, он потянулся и зевнул, затем нехотя вспрыгнул на подоконник. Усевшись неподвижно, он глядел в сад огромными горящими глазами.

Потом он повернулся и прыгнул на письменный стол, при этом задней лапой нечаянно задел стеклянное пресс-папье и оно слетело на пол. Кот недовольно помахал ушибленной лапой, раскидав при этом листочки из блокнота Лонгриджа. Один из них слетел со стола, тёплая струя воздуха от батареи подхватила его и бросила на горячую золу в камин. Здесь он изогнулся и почернел, от написанного не осталось ничего, кроме неразборчивой подписи.

Свет луны добрался и до молодого пса, устроившегося в чулане за кухней. Он беспокойно зашевелился, поднялся и сел, наострив уши и прислушиваясь к тишине. Но звука, которого он ждал — пронзительного, звонкого свистка хозяина, возвращающего ему все радости жизни — не было.

Далее луна заглянула в спальню на втором этаже, где на боку в большой старинной кровати спал человек, а за его спиной наслаждался блаженным тёплом, любящий удобства, почтенный белый бультерьер.

2

Лёгкий утренний туман ещё не рассеялся, когда Джон Лонгридж поднялся с кровати, так и не сумев отвоевать место на её середине.

Лонгридж побрился и быстро оделся, наблюдая, как туман расходится над полями и сквозь него проглядывает утреннее солнце. Можно было надеяться на отличный осенний день, тёплый и мягкий, какие и бывают часто «индейским летом».

Спустившись вниз, Лонгридж увидел, что животные уже терпеливо ожидают у двери утренней прогулки. Выпустив их, он приготовил завтрак и поел.

Когда собаки и кот вернулись с прогулки, Лонгридж собирался в дорогу, укладывая вещи в автомобиль. Он дал им немного печенья и они улеглись у стены дома, греясь в лучах утреннего солнца и наблюдая за человеком. Лонгридж кинул в багажник последние пожитки, вышел из гаража и погладил каждого из своих друзей по голове.

— Будьте послушными, — сказал он, — миссис Оукс скоро придёт. До свиданья, Люас! — так он называл лабрадора. — Мне бы хотелось взять тебя с собой, но в лодке не хватит места для троих.

Он взял в руку мягкую морду собаки. Золотисто-коричневые глаза пристально смотрели на него и вдруг собака подняла правую лапу и положила ему в руку. Лонгридж много раз видел, как пёс делал так с хозяином, и был необычайно тронут таким доверием; он даже подумал, следует ли ему уезжать теперь, сразу после того, как собака наконец-то впервые проявила к нему такое дружелюбие...

Его не беспокоило, что животные оставались на улице. Они никогда не делали попыток убежать, гуляя за забором в окрестных полях. Если бы они захотели, то всегда могли войти в дом, так как в кухне была дверь, которую придерживала лишь нетугая пружина. Лонгриджу надо было только выдвинуть с внутренней стороны задвижку, тогда она уже не могла захлопнуться и распахивалась от толчка снаружи.

Животные выглядели довольными: кот старательно мыл свои уши, старый пёс сидел, вывалив из оскаленной пасти розовый язык и часто дыша, — отдыхал после прогулки, а рядом разлёгся на боку лабрадор.

Лонгридж включил мотор и, когда автомобиль медленно тронулся с места, помахал им рукой из окошка, хоть и понимая, до чего это глупо. «Чего я от них жду в ответ? — спрашивал он себя с улыбкой. — Чтоб они помахали лапой? Или крикнули «прощай»? Вот беда — прожил так долго с ними и чересчур привязался».

Автомобиль круто свернул на дорогу в конце длинной аллеи, и животные ещё некоторое время слышали удаляющийся шум мотора. Кот занялся своей задней лапой, старая собака отдышалась и улеглась, молодая тоже лежала неподвижно, и только глаза её бегали и время от времени подёргивался нос.

Минут двадцать никто не шевелился. Потом вдруг молодой пёс вскочил, вытянулся и замер, не сводя глаз с дороги. Он стоял так несколько минут, а кот внимательно следил за ним, забыв опустить задранную вверх лапу.

Лабрадор медленно вышел на дорогу и остановился на повороте, оглядываясь назад и словно приглашая остальных последовать за собой. Тогда неуклюже поднялся старый пёс, присоединился к лабрадору, и они вместе свернули за угол.

Минуту кот стоял неподвижно, голубые глаза горели на тёмной мордочке. Затем смешно подпрыгивая, он пустился вдогонку.

Собаки стояли у калитки. Старый пёс тоскливо оглядывался назад, словно надеялся увидеть своего друга миссис Оукс, которая всегда приносила ему вкусные косточки. Но когда лабрадор вновь побежал по дороге, терьер последовал за ним. Некоторое время кот стоял у калитки, подняв лапку, — весь сомнение, вопрос, колебание, — но вдруг, словно придя к какому-то решению, опять бросился следом за собаками. Теперь все трое затрусили по пыльной дороге.

Примерно час спустя миссис Оукс вышла из своего коттеджа и направилась к дому Лонгриджа. В руках у неё была сетка с ботинками для работы, фартуком и небольшим свёртком объедков для животных. Она немного огорчилась, не увидев собак, обычно встречавших её довольно далеко от дома и всегда бросавшихся ей навстречу.

«Наверное, мистер Лонгридж запер их в доме, раз он так рано уехал», — успокаивала она себя.

Но когда, толкнув дверь, она вошла в дом — там было тихо и спокойно. Она позвала животных, стоя на ступеньках лестницы, однако в от-

вет не услышала топота бегущих лап; только равномерное тиканье старых часов раздавалось в передней.

Она обошла пустой дом и вышла в залитый солнцем сад. Снова недоуменно хмурясь, позвала их.

— Ясно! — проговорила она, — видимо, они ушли в школу... Однако удивительно даже... — размышляла она несколько минут спустя, сидя в кухне на стуле и завязывая ботинки, — странно, что нет кота. Он всегда в это время сидит здесь на подоконнике. Хорошо, может он на охоте? Я никогда не видела кота, который бы так любил охотиться, как он! И всё-таки — странно все это!

Она помыла и убрала посуду, потом взялась за генеральную уборку библиотеки. Тут она заметила, как что-то блеснуло на полу у письменного стола; оказалось, это разбитое пресс-папье, а на столе она обнаружила листок из блокнота.

Она прочла записку, которая обрывалась словами: «...Я возьму собак (и Тао тоже, конечно)...» продолжения не было. Куда же он их взял? — думала она. — Конечно, это кот сбросил пресс-папье со стола прошлой ночью и записку тоже. Конец её должен быть где-нибудь в комнате.

Она обыскала библиотеку, но ничего не нашла, а выбрасывая пепел из пепельницы в камин, обратила внимание на обуглившийся завиток бумаги в топке. Нагнувшись, она осторожно его подняла, но почти весь листок тотчас рассыпался, остался лишь клочок, на котором виднелась подпись: «Д. Р. Л.».

— Ну, не странно ли это? — говорила она, энергично стирая чёрные пятна на кафеле камина. — Он, должно быть хотел сказать, что заберёт их всех на Хирон-лейк. Почему же он сделал так, ведь мы договорились иначе? Он ни слова не сказал об этом по телефону... Но, постойте, постойте... Я вспоминаю теперь — он как раз начал что-то говорить о них, и линия испортилась.

Как ни удивлялась миссис Оукс, что Лонгридж взял животных с собой, ей совсем не показалось необычным, что и кот поехал вместе со всеми. Она знала, что кот обожал автомобиль и всегда ездил с собаками,

когда Лонгридж брал их куда-нибудь. Как многие сямские кошки, он был послушен и воспитан не хуже собаки и, гуляя, всегда возвращался на свист.

Миссис Оукс подмела и вытерла пыль, потом заперла дом и возвратилась к себе в коттедж. Она была бы потрясена до глубины души, если бы узнала, что произошло на самом деле.

Две собаки и кот вовсе не сидели спокойно на заднем сидении машины Джона Лонгриджа, держащего путь на север, как доверчиво полагала миссис Оукс. Они находились за много миль отсюда...

Первые два часа они шли довольно быстро; лабрадор — слева от старого пса, который был почти слеп на левый глаз; бультерьер бежал, как всегда странно подпрыгивая и раскачиваясь, а лабрадор — лёгким, небыстрым скоком. Немного позади них шёл кот; он часто отвлекался и останавливался, а потом снова догонял собак.

Когда лабрадор понял, что старый пёс устал, он свернул с безлюдной посыпанной гравием дороги в полумрак соснового леса, к быстрому чистому ручью. Старый пёс жадно пил, войдя в воду по грудь. Кот осторожно взобрался на нависший над водой камень и уселся на краешке. Потом они отдыхали под деревьями на мягкой сосновой хвое. Терьер часто и тяжёло дышал, полузакрыв глаза, а кот умывался.

Так они провели около часа, пока солнце не стало проникать сквозь ветви. Тогда молодая собака вскочила, потянулась и пошла к дороге. Старый пёс тоже встал на одеревеневшие, негнущиеся ноги, и опустив голову, пошёл за лабрадором, слегка прихрамывая и помахивая хвостом коту, а тот вдруг заметался в пятне солнечного света и схватил медленно летящий лист; потом кинулся за собаками.

До полудня они двигались рысцой, по заросшей травой бровке тихой просёлочной дороги, а заслышав гудки автомобиля, спускались в тянущуюся вдоль дороги канаву.

Солнце начало садиться и тени упали на дорогу. Кот все ещё двигался бесшумно, равномерно и быстро, молодая собака тоже была бо-

дрой, но старый пёс чрезвычайно устал, он замедлил шаг и стал сильно хромать.

Они свернули в кусты и медленно двинулись по просеке вдоль дороги, продираясь через густой подлесок. Скоро они вышли на небольшую поляну, поперек которой лежала гигантская голубая ель, поваленная бурей; на месте корней в яме было полно сухой листвы и хвои.

На поляну легли косые лучи заходящего солнца; здесь было уютно и спокойно. Постояв минуту, опустив голову и слегка качаясь на ослабевших ногах, старый пёс залез в яму и повалился на бок. Кот долго обнюхивал и рассматривал все кругом, потом сделал в хвое небольшое углубление и свернулся там, тихонько мурлыча. Молодой пёс исчез в зарослях, но вскоре вернулся. С его гладкой шерсти стекала вода. Он устроился поодаль.

Старый пёс долго ещё часто и тяжёло дышал; задняя его лапа временами сильно дрожала. Затем, наконец, глаза его закрылись, дыхание стало ровнее и он уснул, только изредка вздрагивая всем телом.

Когда совсем стемнело, молодой пёс придвинулся к старому и прижался к нему вплотную, а кот улёгся между лап терьера. Всем стало теплее и удобнее. Старый пёс спал, забыв о боли, усталости и голоде.

На окрестных холмах печально выли волки; бесшумно пролетая, перекликались совы. Слышались чьи-то робкие шаги, слабые шорохи — звуки, не прекращавшиеся всю ночь.

Однажды жуткий вопль, похожий на плач ребёнка, разбудил старую собаку и она, дрожа и взвизгивая, вскочила на ноги. Но то был всего-навсего неуклюжий дикобраз, с шумом карабкавшийся по стволу соседнего дерева. Он слез и, переваливаясь, пошёл прочь, потихоньку скуля. Когда терьер снова улёгся, кота уже не было на месте. Он отправился на охоту. Молодой пёс спал, временами тревожно вздрагивая, часто подымая голову и глухо ворча. Один раз он вскочил на ноги с громким рычанием; вслед за этим неподалёку раздался громкий всплеск воды, — и снова тишина. Кто знает, что было то неведомое, невидимое и неслышное, что проникло в сознание лабрадора и не давало ему покоя.

Одно было очевидно: чего бы это ему ни стоило он дойдёт до дома своего хозяина. Дом находился на западе — так подсказывал ему инстинкт. Но он не мог бросить своих друзей.

3

Бультерьер проснулся в холодный предрассветный час и с трудом поднялся на ноги. Он дрожал от холода, был ужасно голоден, его мучила жажда. Пошатываясь, медленно пошёл он к ближайшему озерку и по дороге наткнулся на кота, который припал к земле, держа что-то в лапах. Терьер услышал хруст костей в челюстях кота и, замахав хвостом, с любопытством приблизился выяснить, что происходит. Кот встретил его холодно и гордо и сразу же ушёл прочь, оставив терьеру лишь объедки от своего пира — одни перья.

Терьер долго пил воду из озерка, а на обратном пути жадно накинулся на перья. Они застряли у него в горле и его вырвало.

Затем он откусил несколько травинок, немного пощипал перезрелой малины с низкого куста. Дома малина всегда ему нравилась, но сейчас, несмотря на то, что вкус был хорошо знаком, она нисколько не утолила голода.

Терьер обрадовался, увидев молодого пса, помахал хвостом и лизнул его в морду и, когда молодой пёс направился к дороге, покорно последовал за ним. Вскоре к ним присоединился и кот; он ещё облизывался после вкусного завтрака.

Они шли в сером предрассветном сумраке по обочине дороги и дошли до места, где дорога круто сворачивала в сторону. Здесь они остановились: перед ними была заброшенная лесовозная дорога, которая уходила на запад, прячась под свисающими ветвями.

Вожак поднял голову, как бы исследуя доносящиеся запахи и, по видимому, обнаружив что-то, успокоился и повёл товарищей по заросшей колее. Идти тут было приятнее: дорожка заросла травой, облетевшие листья покрывали её. Густо растущие деревья почти сходились над головой и сулили прохладу и тень, когда солнце подыметс

Больше всех в этом нуждалась старая собака, так как она чувствовала себя усталой ещё утром, до того, как они пустились в путь. Двигалась она значительно медленнее, чем накануне.

Обе собаки были страшно голодны и с завистью следили за котом, который в полдень во время отдыха у ручья, съел пойманного им бурундука. Но когда старый пёс подошёл к нему, заискивающе помахивая хвостом, кот урча, отступил в кусты вместе с добычей.

Озадаченный и разочарованный, терьер сел, прислушиваясь к доносящемуся из куста хрусту. Из рта собаки бежала слюна.

Спустя несколько минут кот вылез, уселся и начал заботливо чистить усы и шерсть. Старый пёс лизнул его в чёрную морду и получил в ответ нежный хлопок лапой по носу.

Изнывая от голода, терьер бродил по отмелям ручья, исследуя каждый камень и ямку, продираясь сквозь заросли высохшего камыша, разрывая носом мягкие кротовые холмики. После этих тщетных поисков он уныло улёгся возле кустика голубики с осыпавшимися ягодами и стал облизывать лапы и счищать грязь с морды.

Молодой пёс был тоже голоден, но лишь перед лицом голодной смерти он мог бы побороть врождённые инстинкты: все его предки были приучены лишь находить и приносить добычу, не причиняя ей вреда, и в нем не осталось ничего от охотника. Убийство вызывало у него отвращение.

Он вволю напился воды из ручья, и все трое отправились дальше.

Теперь тропа бежала по лесистым гребням холмов. Куда ни взглянешь — леса в ярких осенних красках; багряные с киноварью редкие клёны, бледные берёзы, жёлтые тополя, рдеющие тут и там гроздьи рябины — и все это на фоне величавых тёмно-зелёных елей, сосен и кедров.

Несколько раз животные проходили мимо остатков бревенчатых лесоспусков, сооружённых на склонах холмов, пробирались через глубокие борозды, оставленные полозьями лесовозных саней. Иногда на буйно заросших молодняком вырубках им попадались заброшенные постройки — старые стойла для лошадей и бараки для людей, работавших в этих

местах лет тридцать назад. Окна были выбиты, рамы покосились, в щелях между половицами выросла сорная трава и даже из старой ржавой кухонной плиты торчал куст дурмана.

Это по всем признакам человеческое жильё почему-то не нравилось животным, и они, ощетилившись, обошли его стороной как можно дальше.

После полудня старый пёс шёл уже совсем медленно, спотыкался и, кажется, только невероятное усилие и удерживало его на ногах. Голова у терьера кружилась, сердце колотилось, он шатался. Видимо, кот это чувствовал, потому что теперь шёл спокойно рядом с собаками, почти вплотную к своему старому другу и временами жалобно мяукал.

В конце концов, совершенно обессилив, старая собака остановилась перед глубокой колеёй, наполовину залитой мутной водой. Голова его упала на грудь, тело тряслось. Он попробовал полакать воды, но его ноги подкосились, и он наполовину сполз в колею. Глаза собаки закрылись, тело вытянулось, короткие вздрагивающие вздохи становились все реже. Вскоре собака затихла.

Молодой пёс словно обезумел: он завыл, задрал голову, затем начал толкать терьера носом, пытаясь поднять неподвижное тело. Лабрадор все лаял и лаял, а кот непрерывно нежно мурлыкал, ходил взад-вперёд, тёрся о забрызганную грязью морду терьера. Но все их старания ни к чему не привели. Старый пёс лежал недвижимо.

Наконец оба притихли и уселись рядом с терьером, встревоженные и удручённые. И вдруг разом поднялись и побежали прочь, не оглядываясь.

Лабрадор скрылся в кустах и оттуда доносился хруст ломающихся сучьев, который становился все тише по мере того, как пёс уходил все дальше. Кот начал подбираться к куропатке, беззаботно роющейся в песке у тропинки, ярдах в ста от него. Но, предупрежденная резким стрекотом белки, птица с шумом взлетела на дерево, когда кот был ещё далеко. Тот, не унывая, принялся за поиски новой добычи, облизываясь в предвкушении удачи. Скоро и он скрылся из виду.

Длинные тени легли на опустевшую тропу, ветви шевельнул вечерний ветерок. С деревьев густо сыпались, шелестя, хрупкие бурые листья, медленно падая на белого пса.

Любопытная белка изумлённо глядела на него с соседнего дерева блестящими глазками, потихоньку стрекоча. Пробежала землеройка, но остановилась на полпути и повернула обратно.

Послышался негромкий свист крыльев. На берёзовую ветку взлетела сойка и, качаясь, наклонила голову на бок и смотрела вниз, приглашая товарку присоединиться к ней.

Ветер успокоился и стало совсем тихо.

И вдруг раздался громкий треск сучьев. Сквозь заросли продиралось какое-то неуклюжее животное.

Вскарабкалась повыше на дерево и резко застрекотала белка, подавая сигнал тревоги; улетели сойки.

На тропку выбежал на четвереньках небольшой медвежонок. Увидев старую собаку, он наострил круглые пушистые ушки; в маленьких глубокосидящих глазках и на остренькой мордочке было любопытство.

Из кустов позади медвежонка доносилось деловитое похрюкивание — мамаша-медведица исследовала гнилой пень.

На мгновение медвежонок остановился, а потом осторожно двинулся к канаве, где лежал терьер. Сморгнув нос, он бесцеремонно обнюхал его, протянул кривую чёрную лапу и хлопнул пса по голове. Старая собака открыла глаза: она почуяла опасность. Медвежонок с испугом прыгнул в сторону и оттуда наблюдал: видя, что терьер не двигается, подбежал вприпрыжку, снова ударил лапой, теперь уже крепче и стал ждать, что будет дальше, но у старого пса хватило сил лишь на то, чтобы оскалить зубы. Он слабо зарычал от боли и ненависти, когда в его плечо впились когти обозлённого медвежонка, и сделал попытку подняться на ноги. Почувствовав запах крови, медвежонок совсем ошалел. Сев верхом на собаку, он начал играть с её длинным хвостом, как ребёнок с новой игрушкой.

Старый пёс лежал неподвижно, сознавая своё бессилие и не реагируя на боль и оскорбление. Он прикрыл глаза и лишь кривил губы, как будто хотел зарычать.

Из-за поворота, на тропке, держа в зубах за крыло большую мёртвую куропатку, появился кот. Увидев, что происходит, он открыл пасть, куропатка выпала из неё, а кот стал неузнаваем: хищно засверкали голубые глаза на чёрной ощерившейся морде, шерсть встала дыбом, отчего кот теперь казался вдвое больше обычного. Распушив шоколадный хвост, он хлестал им себя по бокам. Потом, сжавшись, припал к земле, издал пронзительный вопль и, когда испуганный медвежонок обернулся, прыгнул на него. Крепко вцепившись задними лапами в тёмный пушистый загривок, он стал царапать острыми когтями морду и глаза медвежонка, шипя и фыркая, пока медвежонок, ослепнув от крови, не завопил от боли и ужаса.

Его вопли заглушил громовой рев огромной чёрной медведицы, с шумом выбежавшей из кустов к своему детёнышу. Она замахнулась лапой, но кот был проворнее неё, и с шипением стремительно отпрыгнул в сторону, укрывшись за деревом. Удар со всей силой обрушился на голову несчастного медвежонка, который кувырком перелетел через дорогу в кусты.

Доведённая до бешенства плачем медвежонка, не зная, на кого обрушить свою ярость, она обернулась и тут увидела неподвижную фигуру старой собаки. С рычанием двинулась медведица к ней, но в тот же момент кот выскочил на дорогу, отвлекая её внимание.

Медведица остановилась и встала на дыбы; красные глазки свирепо блестели, шея вытянулась, голова угрожающе качалась из стороны в сторону, как у змеи.

Кот вновь издал душераздирающий вопль и боком шагнул вперёд, не спуская раскосых злых глаз с противника.

Что-то похожее на нерешительность или страх промелькнуло в глазах медведицы. Она неохотно отступила назад и опустила голову. Медленно, осторожно, но решительно кот двигался к ней, а медведица

снова отступила, совсем сбита с толку. Скулящий детёныш приводил её в отчаяние, но она продолжала медленно отходить, так как кот все наступал и наступал. Наконец кот остановился, пригнулся перед прыжком, охлёстывая себя хвостом. Медведица тоже неуклюже остановилась, наклоняясь, чтобы было удобнее удрать, и боясь в то же время повернуться к коту спиной.

Неожиданный шум в зарослях заставил медведицу замереть на месте — она вся превратилась в слух; тут из кустов выпрыгнула большая собака и остановилась около кота, ощерившись, оскалив зубы, и рыча.

Медведица опустилась на четвереньки и бросилась наутёк. Из кустов долетело её последнее отчаянное рычание и визгливый плач детёныша, вскоре их совсем не стало слышно, наступила тишина.

Белка, укрывшаяся от всего этого шума в дупле, с любопытством выглянула из убежища и стала спускаться вниз по стволу.

Кот постепенно возвращался в своё обычное состояние. Глаза вновь смотрели невозмутимо и независимо. Брезгливо встряхнув каждой лапой по очереди, он мельком глянул на обмякшее грязное тело терьера у своих ног. Из четырёх глубоких царапин на плече собаки сочилась кровь. Кот отвернулся и возвратился к брошенной куропатке.

Молодой пёс обнюхал своего друга, морщась от неприятного запаха медведя. Он попыталсялизать раны шершавым языком, наскрёб на терьера свежих листьев поверх запачканных кровью, полаял, стоя у головы старой собаки, та, по-прежнему не шевелилась, и лабрадор улёгся, часто дыша, на траву. Глаза его смотрели тревожно и настороженно, шерсть на спине стояла дыбом, время от времени он растерянно скулил.

Кот приволок куропатку и положил её к самому носу лежавшей без сознания собаки, потом начал не спеша, старательно рвать птицу на части и есть. Молодой пёс тихонько заворчал, но кот не обратил на него внимания и продолжал своё дело.

Соблазнительный запах сырого тёплого мяса почувствовала и старая собака. Она приоткрыла один глаз и, оживившись, потянула носом. Грязный облезлый хвост задвигался. Пёс подтянулся, с судорожным уси-

лием опёрся на передние лапы, как старая рабочая лошадь, и встал на ноги.

Вид у него был жалкий: грудь и живот, лежавшие в канаве, намокли и почернели от грязи, а спина была поцарапана и испачкана кровью.

Он сильно и беспрестанно дрожал всем телом, но в глубине завапавших, косопосаженных глаз появился робкий проблеск интереса, который увеличивался по мере того как его нос приближался к кучке ещё тёплых мягких серых перьев.

На этот раз кот не стал злобно рычать над своей добычей. Он уселся в сторонке, не обращая внимания на терьера и начал тщательно мыть хвост. Когда кончик хвоста шевелился, кот прижимал его лапкой.

Старый пёс прожорливо хрустел, перемалывая кости тупыми зубами. Прямо на глазах к нему возвращались силы.

После еды он немного подремал, а проснувшись, доел остатки.

К ночи он уже смог перейти на мягкую травку у дороги, где улёгся, счастливый, щурясь на друзей и махая жалким хвостом. Лабрадор лежал рядом илизывал ему раненное плечо. Часа два спустя к ним присоединился, мурлыча, кот и небрежно бросил ещё один лакомый кусочек к носу старого друга. Это был тушканчик — маленький зверёк с большими глазами и длинными задними ногами, похожий на миниатюрного кенгуру. Старый пёс моментально расправился с тушканчиком и вскоре заснул.

А кот, мурлыкающий у его груди, и свернувшийся за его спиной молодой пёс бодрствовали и сторожили старого друга весь остаток ночи.

4

На рассвете голод всё-таки погнал лабратора на поиски корма. Пёс дошёл уже до того, что попробовал даже катышки оленьего помета, но с отвращением выплюнул их.

Когда он пил из заболоченного пруда, покрытого плавающими листьями водяных лилий, то заметил на маленьком камне лягушку, смотревшую на него выпученными глазами. Лабрадор прыгнул тщательно прицелившись, и когда лягушка подскочила, схватил её в воздухе. Лягуш-

ка тут же исчезла в глотке собаки, а та уже оглядывалась кругом, надеясь поживиться ещё. Но наградой за целый час терпеливых поисков была всего пара лягушек, поэтому лабрадор вернулся к товарищам. Те, видимо, уже поели, потому что оба облизывались, а вокруг были разбросаны перья и шерсть. Что-то подсказало Лабрадору, что не надо тревожить старого пса: он все ещё был очень изнурён и, кроме того, потерял много крови. Раны, нанесённые когтями медвежонка, вспухли и почернели от запёкшейся крови и при каждом движении открывались и начинали снова кровоточить. Поэтому весь день терьер лежал спокойно на травке, греясь в лучах осеннего солнца и спал. Питался он тем, что приносил ему кот и всякий раз благодарно махал хвостом, когда тот приближался.

Молодой пёс провёл немало времени в поисках еды. К вечеру он совсем было потерял надежду, что-нибудь найти, как вдруг судьба смилостивилась над ним: из высокой травы неожиданно выскочил кролик, — уже в белой зимней шубке и бросился наутёк. Молодой пёс помчался следом, опустив голову, вытянув хвост. Лабрадор то и дело догонял его, но никак не мог схватить, так как в последнюю секунду кролик увёртывался от челюстей собаки. Но, наконец, собрав все силы, лабрадор сделал отчаянный прыжок и почувствовал в зубах тёплое бьющееся тельце. Сразу забылись годы натаски, отучившие собаку вонзать зубы в живое тело. Сейчас, когда пёс рвал тёплое сырое мясо и прожорливо его заглатывал, он был похож на волка.

Эту ночь и большую часть следующего дня друзья оставались на старом месте, а погода была благоприятной — тёплой и солнечной.

На третьи сутки старый пёс почти оправился, раны его закрылись. Он целое утро ходил среди кустов мелкими шажками, потом хорошо выпался, так что выглядел теперь достаточно окрепшим и мог следовать дальше.

К вечеру животные покинули место, где провели три дня, и, не спеша, затрусили по тропинке.

Когда взошла луна, они уже отошли на несколько миль и оказались на берегу небольшого озера, которое огибала тропа.

В воде у противоположного берега, среди водяных лилий, стоял лось. Его силуэт, с большой рогатой головой и горбатой шеей, чётко вырисовывался в бледном свете луны. Не обращая никакого внимания на незнакомых животных, появившихся у озера, лось несколько раз погрузил голову в воду, всякий раз подымая её высоко вверх и круто выгибая шею. В камышах шныряли водяные курочки. Маленькая хохлатая поганка выскочила из воды, как чёртик из ящика, и расходящиеся по озеру круги засеребрились в лунном свете.

Животные сидели, насторожив уши. Они наблюдали, как лось, осторожно ступая по илистому дну, вышел из озера, встряхнулся, в несколько могучих скачков поднялся на берег и исчез в лесу.

Вдруг молодой пёс повернул голову и его чуткий нос задёргался. Он уловил донёсшийся издали запах древесного дыма и что-то ещё, необъяснимое...

Спустя мгновение и старый пёс учуял запах и вскопился, стараясь определить, откуда он? Тонкий хвост задвигался, чёрно-смородиновые глазки заблестели.

Где-то недалеко были люди — знакомый ему мир! Он не мог ошибиться — бесспорно, они что-то стряпали и пёс не в силах был противостать соблазну. Он решительно затрусил туда, откуда доносился запах. Молодой пёс неохотно последовал за ним, кот же сразу опередил обоих. Вероятно, он немного ошалел от лунного света, то замирал на месте, то опять, стремглав, мчался куда-то, потом скрывался в тени, а секунду спустя осторожно крался за собаками. Они не обращали на кота никакого внимания.

Едва животные поднялись на холм, как увидели внизу, на вырубке, несколько костров. Огонь освещал палатки и берестяные вигвамы, разбитые полукругом. Вокруг каноэ, лежащих на берегу травянистого озерца, заросшего диким рисом, мерцая, летали искры и гасли над чёрной водой.

В отсветах багрового пламени чётко видны были коричневые, продолговатые, с плоскими чертами, лица индейцев племени оджибвей, сидевших вокруг костров. Мужчины были одеты в разноцветные штаны и

яркие клетчатые рубашки, но платья женщин были тёмных тонов. Два мальчугана (других детей здесь не было) ходили от костра к костру, потряхивая мелкие сковороды с кашей и помешивая её лопаточками, чтобы не подгорела.

Один из индейцев в длинных мягких мокалинах топтал кукурузные початки в неглубокой яме, несколько мужчин лежали в стороне от костров, лениво покуривая и вполголоса переговариваясь. Другие неторопливо ели, наполняя оловянные тарелки вкусно пахнущей похлёбкой из закопчённого чугунного котелка. Время от времени кто-нибудь из них кидал через плечо в кусты кость, и трое друзей сильно проголодавшиеся, внимательно провожали её взглядом.

На краю поляны женщина провеивала зерно, пересыпая его из одного берестяного лотка в другой, лёгкий ветер относил мякину в сторону.

Старый пёс ничего этого не видел, но уши и нос рассказали ему обо всем. Не в силах больше терпеть он начал осторожно спускаться со склона, заботливо оберегая больное плечо. Мякина попала ему в нос, и он чихнул. Один из мальчиков у костра оглянулся и потянулся рукой к камню, но женщина рядом с ним что-то резко сказала, и он остался сидеть неподвижно, насторожившись.

Из темноты в круг света, падающего от костра, хромя, вышел старый пёс. Уверенный в радушном приёме, он дружелюбно и заискивающе вилял хвостом, так что весь зад его ходил ходуном. Он прижал к затылку уши, растянул губы в жуткой гримасе.

Сразу наступила тишина, прерванная воплем меньшего мальчика, бросившегося к матери. Затем взволнованно заговорили все индейцы. Терьер был оскорблен и некоторое время колебался, но всё-таки с надеждой направился ко второму мальчику, который испуганно отступал, зажав в кулаке камень. Женщина вновь одёрнула сына, а пёс, услышав её строгий голос, совсем упал духом и остановился. Поставив свою корзинку, женщина быстро подошла к нему и стала разглядывать его. Произнося какие-то мягкие, успокаивающие слова, она потрепала его по голове и ласково улыбнулась. Старый пёс прижался к ней, ударяя по её ногам хвостом,

счастливым, что вновь общается с человеком. Женщина присела около собаки, перебирая пальцами его уши и поглаживая по спине, а когда он лизнул её в лицо, рассмеялась. Тут оба малыша подошли поближе да и все остальные обитатели лагеря тоже собрались вокруг собаки.

Теперь терьер был на вершине блаженства; он был центром внимания, пользовался успехом у благодарной публики: когда один из мужчин бросил ему кусок мяса, он начал служить, хоть и причинял себе этим мучительную боль, махая лапой просил ещё. Это вызвало приступ хохота у индейцев, и пёс вновь и вновь повторял свой трюк, пока не устал и улёгся, запыхавшийся и счастливый.

В награду индейская женщина нежно его погладила, потом ложкой достала из котла кусок мяса и бросила его на траву. Старый пёс захромал к мясу, но прежде чем есть, поглядел вверх, на склон холма, где оставил двух своих товарищей.

Прыгая с уступа на уступ, скатился вниз камешек. Затем из темноты появился длинноногий голубоглазый кот. Прежде чем подойти к собаке, он огласил поляну скрипучим заунывным воем, а потом беззастенчиво отобрал у неё кусок мяса. Восторгу индейцев не было предела. В приступе смеха оба мальчика, колотя пятками, катались по земле, кот же тем временем невозмутимо пожирал мясо.

Бультерьер понял, что люди рады им, и присоединился к общему веселью. Он так старательно катался по земле, что его раны снова открылись: когда он вскочил на ноги, по бокам его бежали струйки крови.

Молодой пёс все это время прятался на склоне холма и внимательно наблюдал за происходящим, хотя и нервничал, так как пора было идти дальше. Он видел, как сытый и довольный кот свернулся на коленях у одного из мальчиков, дремавшего у костра. Он слышал насмешливые голоса индейцев, потом маленькая вся согнутая, древняя старуха вдруг что-то сказала горячо и серьёзно. Ковыляя, она подошла к мирно лежащему у костра псу и стала разглядывать его плечо. Затем кинув несколько корешков рогозы в кипящий котелок, намочила в отваре немного мха и приложила его к ранам собаки. Старый пёс не двигался, только тихонько сту-

чал хвостом. Закончив, старуха поддела берестяным черпачком ещё кусок мяса и вывалила его на землю перед собакой.

Но вот костры почти догорели, индейцы начали укладываться спать, а товарищи лабрадора по-прежнему не обнаруживали ни малейшего желания возвращаться. Молодой пёс забеспокоился.

Скользя, как тень, между деревьями на холме, он обежал лагерь и вышел, в четверти милях на берег озера. Здесь он несколько раз резко и повелительно пролаял.

На обоих его спутников это подействовало, как звук набата. Кот выпрыгнул из рук сонного мальчика-индейца и подбежал к старому псу. Тот был уже на ногах и с недоумением щурился и оглядывался. Кот горланно промяукал и уверенно побегал прочь от лагеря. Войдя в тень леса, он оглянулся и стал ждать. Старый пёс встряхнулся и послушно побрёл за котом, хотя ему очень не хотелось покинуть тёплое место у костра.

Индейцы, молча наблюдавшие эту сцену, не остановили собаку. И только женщина, что первая её приласкала, тихонько пожелала путешественнику счастливого пути.

На опушке леса собака остановилась рядом с котом и оглянулась, но призывный, повелительный лай послышался снова; терьер и сиамец скрылись в темноте.

В эту ночь оба путешественника обрели бессмертие, хотя и не подозревали об этом, будучи глубоко безразличны к славе.

Старая индианка сразу догадалась, кто были старый пёс и его спутник! Это была Белая Собака Оджибвеев, священная Белая Собака, чьё появление пророчит бедствие или удачу.

Духи послали её, голодную и израненную, для испытания гостеприимства племени, а чтобы малoverы не сомневались в этом, — дали Белой Собаке в товарищи кота. Потому что какая же обыкновенная собака допустит, чтобы кот утащил у неё мясо?

Посланник духов встретил радушный приём, его накормили и вылечили. Предзнаменование наверняка окажется счастливым!

Друзья продолжали путешествие. Несколько последующих дней были похожи один на другой, прошли они безо всяких особых происшествий или приключений.

Оставляя ночлег на рассвете, животные равномерно двигались вперёд до вечера, большей частью принаравливаясь к старой собаке. Их излюбленным местом сна были защищённые от ветра углубления, под поваленными ветром деревьями, где они зарывались в облетевшую листву.

Вначале они делали частые привалы, так как терьер быстро уставал, но с каждым днём он становился крепче, и через неделю хоть и похудел, но рубцы на плече зажили, шерсть стала гладкой. Пожалуй, он выглядел лучше — моложе и сильнее — чем в начале путешествия. У терьера был прекрасный характер: он был всегда всем доволен и трусил себе рысцой по лесу невозмутимый и благодушный. Терьер почти всегда был голоден, хотя искусный охотник-кот и снабжал его кое-какой пищей.

Больше всех страдал от голода молодой пёс, ибо он не был природным охотником и растрачивал понапрасну массу энергии, гоняясь за дичью. Питался он главным образом лягушками, мышами, да изредка объедками от трапез своих товарищей. Иногда лабрадору удавалось отпугнуть какого-нибудь маленького зверька от его добычи, но такая еда совсем не соответствовала потребности большой собаки. Лабрадор похудел так, что стали видны ребра. Кроме того, ему никогда не удавалось как следует выспаться; когда его оба товарища отдыхали, он рыскал в поисках пищи. Не участвовал он и в их играх; когда кот, притворяясь напуганным, бросался прочь от рычащего, но благодушно машущего хвостом белого пса и спасался от него на дерево, Лабрадор сидел в отдалении и наблюдал за ними напряжённо и беспокойно. Казалось, он никогда не забывал о конечной цели — он шёл к своему единственному хозяину, в дом, где он родился. Все остальное не имело для него значения. Это стремление, всецело захватившее пса, и заставляло его упорно вести

своих друзей на запад, через дикую чужую страну так же безошибочно, как безошибочно находит дорогу домой почтовый голубь.

Коту кочевая жизнь, видимо, шла на пользу. Он стал упитанным, лоснился и был очень доволен, казалось, он просто наслаждается путешествием. Порой он покидал собак на часок-другой, но эти отлучки перестали их беспокоить, так как рано или поздно, кот всегда возвращался.

Животные шли главным образом по старым заброшенным тропинкам, которых было удивительно много в этом, фактически необитаемом краю. Иногда же они покидали тропинки и прокладывали путь напрямик через лесную чащу.

На их счастье индейское лето было к ним милостиво. Редкая короткая шерсть не смогла бы предохранить терьера от холодов. Правда, у него стал расти густой подшёрсток, но и он не защитил бы пса от уже недалёких морозов. Шерсть кота также стала гуще, отчего выглядел он крупнее.

Лабрадор же был приспособлен к любому климату; его густая плотная шерсть отлично защищала и от воды и от холода. Днём, когда Солнце стояло высоко, было ещё тёпло и приятно, но ночи заметно похолодали. Однажды вдруг ударил крепкий мороз, и старый пёс так продрог, что вскоре после восхода луны животные покинули неглубокую яму, где устроились на ночлег, и весь остаток ночи шли дальше. Зато почти все следующее утро они спали, греясь на солнце. Листва на деревьях поблёкла. Многие деревья почти облетели. Вдоль тропинки ещё пестрели терн и голубика, да дикие астры и дурман стояли в полном цвету.

Большинство лесных птиц улетело. Те, что остались, собирались в большие стаи, оглашая воздух щебетом и гамом.

Путешественники редко встречали других животных: робких обитателей леса издали пугал шум, производимый собаками, и они заранее прятались. Те же, что попадались им, были настолько заняты подготовкой к зиме, что не проявляли никакого любопытства к пришельцам. Встретили они ещё одного медведя, он был гладкий и лоснился от жира,

благодарный и сонный. Очевидно, он уже мысленно пребывал в зимней спячке и ничем не интересовался. Когда путешественники его заметили, медведь сидел, греясь на солнышке, на пне и, сонно поглядев на них маленькими глубоко посаженными глазками, зевнул и продолжал лениво скрести ухо. Тем не менее кот после этой встречи почти целый час сердито ворчал.

Кролики и ласки оделись в белые зимние шубки. Кое-где появились пуночки. Несколько раз животные слышали далёкие, ликующие крики диких гусей и, глядя вверх, видели над головой длинные чёрные косяки, летящие к югу. Гости покидали северные края, а те, кто оставался, готовились к предстоящей долгой зиме. Жизнь начинала замирать; скоро земля покроется мягким снегом, и звери заберутся в берлоги, норы и пещеры, и погрузятся в глубокую спячку, вплоть до наступления весны.

Как бы понимая, что означают все эти приготовления, друзья стали идти быстрее, насколько допускали ограниченные силы старой собаки. В особенно удачные дни они делали миль по пятнадцать.

С тех пор, как позади остался индейский лагерь на берегу камышового озера, животные ни разу не встретили человека или хотя бы признаков его существования. Однажды ночью, в поисках прибежища, они обнаружили мусорный ящик. Он лежал в глубине зарослей, подле заржавленной походной кухни, оставшейся от покинутого лагеря. Недавно тут побывали мародеры-медведи: их тяжёлый, противный запах до сих пор висел в воздухе, и кот отказался подойти ближе. Старый пёс наблюдал, как его молодой товарищ опрокинул тяжёлый ящик и пытался носом сдвинуть крышку. Ящик с грохотом застучал по камням. Собаки не заметили, как позади них, в каком-то тёмном строении, открылась дверь. Неожиданно грянул выстрел и заряд дроби, угодивший в ящик, откинул крышку и его содержимое вывалилось на старого пса. Мгновение он, ошеломлённый и оглушённый, стоял, встряхивая головой, но в следующую секунду вновь лягнул затвор и пёс опомнился. Схватив из рассыпанного мусора кость, он поспешно бросился за лабрадором и нёсся так быстро, что даже обогнал его. Раздался второй выстрел, дробь обожгла

им зады и заставила прибавить прыти. Скоро собаки оказались под защитой кустов, но прошло ещё много времени, пока они остановились на ночлег. Старый пёс так измучился, что проспал до рассвета. Боль была несильной и кратковременной, но все же молодой пёс стал теперь ещё более осторожным и осмотрительным: он был все время начеку.

И несмотря на это, через несколько дней произошла ещё одна непредвиденная встреча.

Как-то в полдень они пили из неглубокой речки, пересекающей заросшую дорогу, которая вела на выработанный серебряный рудник. Вдруг, на противоположном берегу среди папоротника, мелькнул серый кролик. Лабрадор бросился в воду, окатив обоих спутников, переплыл речку и погнался за кроликом. Старый пёс и кот смотрели как убегает кролик от собаки, пока те не скрылись за деревьями.

Тогда терьер отряхнулся и забрызгал кота; тот, рассерженный, надменно удалился.

Старый пёс остался один, предоставленный самому себе, и решил этим воспользоваться. Счастливый, он разгуливал по покрытым лишайниками камням, по мшистому берегу, обнюхивая все своим чутким носом. Он с досадой сбил у нескольких больших желтовато-коричневых грибов шляпки, потом заметил блестящего чёрного жука и долго преследовал его, как ищейка. Наконец, псу это надоело и он уселся на жука, позевал, поскрёб ухо, потом лениво покатался по земле и, наконец, улёгся неподвижно, раскинув лапы и повернув голову к дороге. Внезапно терьер насторожился, поднял большое ухо и внимательно прислушался. Кто-то шёл сюда через кусты. Пёс вскочил на ноги и радостно забил хвостом.

На тропинке, тихонько разговаривая сам с собой, появился старик с холщовой сумкой, бультерьер выступил ему навстречу и стал ждать. Маленький, согнутый, старичок, не останавливаясь, проковылял мимо, быстро приподняв над седой головой потёртую войлочную зелёную шляпу, на ходу кивая собаке и кротко ласково улыбаясь. Его сопровождали, порхая над ним с ветки на ветку, две маленькие серо-белые синички-черноголовки. Старый пёс удовлетворённый пошёл следом. Скоро вдалеке по-

казался и кот. Он догонял их, не спуская глаз с синичек, а далеко позади кота шёл с торжествующим, но чрезвычайно недоверчивым видом лабрадор, держа в зубах кролика.

Вся эта процессия двигалась по лесной прохладной дороге около полумили. Наконец, деревья поредели и они вышли к небольшой хижине, стоящей в конце расчищенной от леса поляны, на территории брошенного рудника.

Животные гуськом проследовали за стариком по небольшому аккуратному садику, между бурыми кустами малины и облетевшими яблонями и поднялись по лесенке на крылечко. Здесь старик положил на ступеньку свою сумку, постучал в зелёную дверь, обождал, потом сам же открыл её, вежливо отступив в сторону и жестом приглашая своих спутников пройти вперёд. Старый пёс, за ним кот и следом человек вошли в хижину. Молодой пёс нерешительно стоял у обочины дороги и глядел недоверчиво, не выпуская добычу. Но, видимо, отворенная дверь его успокоила, он аккуратно положил кролика под куст, засыпал его опавшими листьями и последовал за остальными.

Животные выжидающе стояли посреди хижины, наполненной восхитительным запахом жаркого. Они следили, как старик почистил поля своей шляпы и повесил её на вешалку, затем подошёл, прихрамывая, к маленькой растопленной печурке и подбросил в неё полено, неторопливо помыл руки из рукомойника над тазиком. Наконец, он поднял крышку кипящего на плите горшка и все трое облизнулись в предвкушении угощения.

Когда старик взял из поставца четыре тарелки с золотым ободком, из-за голубого кувшина, стоявшего на полке, появился бурундук. Он взбежал по руке человека и уселся на его плече. Зверёк возбужденно пищал, сердито глядя на незнакомцев блестящими ревнивыми глазками; его маленькое полосатое тельце тряслось.

У кота засверкали глаза, он с силой забил хвостом, но все же сдержался из уважения к окружающим.

Старик ласково пожурил бурундука и дал ему корочку, которую тот сразу заложил за щеки. Затем хозяин расставил тарелки и положил на каждую из них по маленькому кусочку тушёного мяса. Бурундук все так же сердито пищал и бегал с плеча на плечо старика, продолжая тем временем следить за котом.

Старый пёс подвинулся к столу. Старик, которого почти не было видно за стулом с высокой спинкой, постоял немножко, закрыв свои чистые голубые, как у ребёнка, глаза. Его губы шевелились. Потом он подвинул стул и уселся. Он огляделся нерешительно, потом снова поднялся и подвинул к столу два оставшихся стула и скамейку; лицо его прояснилось.

— Садитесь пожалуйста! — сказал он и трое животных, подчиняясь знакомому приказу, послушно уселись на полу, за его стулом.

Старик ел медленно и аккуратно. Две пары глаз заворожено следили за вилкой; кот продолжал наблюдение за бурундуком. Съев свою порцию, старик улыбнулся и поднял глаза, но увидев три нетронутых тарелки, смутился, он долго что-то соображал, потом пожал плечами и пересел к соседней тарелке. Опустошив и её, старик вздохнул и взялся за следующую.

Его ошеломлённые гости сидели как пригвождённые. На этот раз даже старый пёс ничего не понимал, хотя и трепетал от вкусного запаха, и слюна струёй бежала у него из пасти, но сидел спокойно, повинувшись приказу человеку.

Опустошив последнюю тарелку, старик задумался, видимо, погрузился в воспоминания. Тихо и мирно было в маленькой хижине и животные не смели пошевелиться.

Прошелестел ветерок и широко распахнул дверь, прилетел дубонос и уселся на неё. Косые лучи неяркого осеннего солнца позолотили его блестящее оперение, и казалось, что вместе с птицей в комнату проникло безмолвие дремучего леса. Животные боязливо оглянулись.

Тишину нарушил пронзительный писк бурундука, который лез на свою полку, скребя когтями; кот подпрыгнул, но сразу же спохватился и выскользнул в дверь, следом за улетевшим дубоносом.

Вдруг очнувшись, хозяин поднялся со стула и огляделся, будто не мог понять, где он. Его глаза с удивлением остановились на двух собаках у двери. Вспомнив, видимо, что происходит, старик с ласковой улыбкой посмотрел на животных и в то же время как бы сквозь них.

— Приходите почаще, — сказал он и добавил, обращаясь к старой собаке, махавшей хвостом в ответ на его ласковый голос. — Передайте привет вашей милой матушке!

Он проводил собак до двери: они гуськом прошли мимо него, поджав хвосты, затем медленно, с достоинством, проследовали по узкой извилистой тропке между голых кустов малины и яблонь к заросшей дороге. Тут они ненадолго остановились; молодой пёс украдкой вырыл свою добычу. К ним сразу же присоединился и кот. Затем, не оглядываясь, они скрылись между деревьями.

Пробежав с четверть мили, молодой пёс настороженно оглянулся и опустил кролика на землю. Он легонько потолкал тушку носом, перевернул её. В следующее мгновение во все стороны полетела окровавленная кроличья шерсть и обе собаки стали прожорливо есть, хрустя костями и добродушно рыча. Кот наблюдал за ними некоторое время, выпуская когти. Потом он встал на задние лапы около дерева и стал точить когти о кору. Вдруг он резко повернул голову и замер: в высокой увядшей траве послышался шорох. В мгновение ока кот прыгнул, изогнувшись дугой, мелькнула лапа, схватившая и пригвоздившая к земле добычу; голова опустилась и слабый писк, едва возникнув, прервался.

На следующий день путешественники спустились с холмов и очутились на берегу реки, текущей с севера на юг. Она была около ста футов шириной, и животным, чтобы оказаться на противоположном берегу, все же надо было её переплыть.

Некоторое время молодой пёс вёл друзей вниз по течению, ища места для переправы: было очевидно, что его спутники рады будут если им

удастся не замочить лапы — оба были единодушны в своём отвращении к воде. Раза два лабрадор входил в воду и плыл, оглядываясь при этом на своих товарищей, очевидно показывая им, как это легко и нестрашно. Но те продолжали сидеть рядышком на берегу, сконфуженные и нерешительные. Молодой пёс был вынужден выходить и берег и бежать дальше, вниз по течению; он сознавал что отклоняется от нужного направления и тревога его росла.

Находились они в безлюдных, диких местах, поэтому мостов близко никаких не было, а река, чем дальше тем становилась все шире и шире. Пробежав мили три-четыре, молодой пёс остановился, решительно вошёл в реку, и быстро, сильно рассекая воду, поплыл на противоположную сторону. Хвост его извивался как у выдры. Лабрадор любил воду и чувствовал себя в ней, как, дома.

Выйдя на другой берег, он ободряюще залаял, но старый пёс заскулил так горестно, а кот подвывал ему с таким отчаянием, что молодому псу пришлось плыть обратно. Он вылез на мель возле того места, где сидели друзья. Тогда старый пёс робко вошёл в воду, дрожащий и жалкий, отворачивая морду. Лабрадор снова переплыл реку, выбрался на тот берег, отряхнулся и залаял. Старый пёс неохотно сделал ещё один шаг вперёд, все так же жалобно скуля и поджав хвост. Лай продолжался. Терьер снова двинулся вперёд. И опять лабрадор переплыл реку, чтобы подогнать его. На этот раз старый пёс вошёл в воду по грудь и поплыл. Он был не слишком хорошим пловцом и продвигался сильными, резкими рывками, держа голову высоко над водой и испуганно озираясь. Но он был бультерьером, «белым рыцарем» и не сдавался, а продолжал плыть за товарищем до тех пор, пока не выкарабкался на противоположный берег.

Его восторг, когда он очутился на сухой земле, можно было, пожалуй, сравнить с радостью потерпевшего кораблекрушение и чудом спасшегося моряка. Он скакал, валялся по земле, носился взад и вперёд, то и дело прижимаясь к высокой траве, чтобы обсушиться, потом набегав-

шись, присоединился к лабрадору: они оба стали лаем подбадривать кота.

Впервые с тех пор, как началось путешествие, бедный кот испугался. Он остался один. Чтобы присоединиться к друзьям, ему надо было переплыть страшную реку и кот бегал взад и вперёд по берегу, издавая душераздирающие вопли.

Молодой пёс применил тот же приём, что с терьером: самоотверженно переплывал реку туда и назад, пытаясь заманить кота в воду. Но тот был вне себя от ужаса.

Прошло немало времени, прежде чем он, наконец, отважился и совсем не по-кошачьи, со слепой решимостью отчаяния бросился в воду.

На его морде было почти комичное выражение отвращения и ужаса, когда он поплыл следом за молодым псом, но кот неожиданно оказался хорошим пловцом и равномерно продвигался вперёд рядом с собакой — и вдруг произошло несчастье.

Много лет назад колония бобров перегородила плотиной маленький ручей, впадающий в реку милях в двух вверх по течению. Бобры с тех пор давно ушли, дамба ветшала и постепенно обваливалась, готовая прорваться. По капризу судьбы, плотина рухнула за несколько минут до того, как оба пловца достигли середины реки. Бурный поток воды, дотеле сдерживаемый плотиной, устремился в образовавшуюся брешь, снося все на своём пути.

Поток хлынул в реку, образовал высокий крутой вал, несущий дерева, пни, комья дёрна и остатки бобровой плотины.

За несколько мгновений до того, как волна настигла кота и лабрадора, молодой пёс, увидев опасность, сделал отчаянную попытку подплыть против течения к коту и защитить его — но опоздал. Волна накрыла их, и они погрузились в пучину, вместе с обломками плотины и деревьями.

Конец бревна сильно ударил кота по голове. Его потащило вниз, он вынырнул, потом погрузился снова, пока ему в конце концов не удалось зацепиться за полузатопленное бревно из старой плотины, но тут же его снова подхватила и понесла новая стремительная волна.

Старый пёс лаял с берега в безумной тревоге, — он учуял беду, хотя и не мог видеть того, что произошло. Он вошёл по грудь в пенящуюся воду, его с силой отбросило назад, испуганного и задохнувшегося. Пришлось отступить.

Молодой пёс, хоть он и был сильным пловцом, добрался до берега с величайшим трудом: его отнесло чуть ли не на полмили вниз по течению. Выбравшись на берег, он тотчас же помчался вслед за котом, которого уносило течением.

Через некоторое время лабрадор разглядел кота; его было еле видно в клочьях пены, на гребне мчавшегося с бешеной скоростью потока, но приблизиться к нему никак не удавалось. Наконец полузатопленный обломок плотины, на котором находился кот, застрял в нависших над рекой кустах. Пёс бросился в воду, почти уже доплыл, но тут бревно вновь оторвало течением и понесло вниз по реке.

Собака стала отставать. Ниже река входила в узкое скалистое ущелье, без отмелей или отлогого места на берегу, где можно было бы пробраться. Пока он карабкался по камням и вернулся к реке, кота уже нигде не было видно. Пёс повернул назад.

Почти стемнело, когда он встретил терьера, который устало плёлся по берегу ему навстречу. Молодой пёс хромал, он совершенно выдохся, вид у него был глубоко несчастный. Он еле отозвался на приветствие сбитого с толку старого пса и повалился на землю. Его бока судорожно вздымались, он лежал долго, пока жажда не погнала его к воде.

Эту ночь собаки провели здесь же, на берегу реки, которая, наконец, успокоилась.

Собаки лежали, свернувшись, тесно прижавшись одна к другой, утешая друг друга и грея. Когда пошёл мелкий холодный дождь и усилился ветер, они укрылись под развесистыми ветвями старой ели.

Среди ночи старый пёс сел, дрожа от холода. Он закинул голову и завыл, жалуясь на горе и одиночество тяжёлому, плачущему небу. Тогда лабрадор поднялся и повёл его прочь от реки, через холмы, на запад.

Далеко вниз по течению на том берегу, куда переплыли собаки, стоял маленький домик. Вокруг него было три или четыре акра расчищенной вырубки. Домик был грубый, но прочный, оживляли его лишь алые герани на подоконниках да выкрашенная в яркую голубую краску дверь. Позади стоял бревенчатый сарай, а ближе к реке, на самом краю участка, находилась банька. Небольшой огород, молодой фруктовый садик и аккуратно огороженные поля с гудами выкорчеванных пней и валунов говорили о победе, которую человеку удалось одержать над подступающим со всех сторон сюда лесом.

Здесь жили Рейно Нурми с женой, люди такие же крепкие и стойкие, как срубленный ими дом.

Жизнь здесь была размеренной и скромной. Отвоевав у леса участок земли, Нурми могли прокормить себя, кроме того, какие-то средства они добывали в лесу, охотясь с капканами.

Покинув Финляндию, Нурми сменили безлюдные, безбрежные леса своей родины на такие же леса в другой стране; образ жизни у них остался тот же. Связь с миром, лежащим за пределами их участка, Нурми поддерживали через десятилетнюю дочь Хельви. Девочка каждый день ходила за много миль одна к остановке школьного автобуса. Благодаря ей родители постепенно уверовали в надёжность Нового Мира и были довольны тем, что имели.

В тот воскресный полдень, когда прорвало бобровую плотину, Хельви играла у реки, швыряя плоские камешки, — «блинки», прыгающие по воде, и жалела, что у неё нет товарища. Нелегко соблюдать правила игры, когда состязаясь сама с собой!

Берег был крутой и высокий, поэтому девочке не грозила опасность, когда по реке, вслед за первой пенистой волной, бурля, пронёсся стремительный вал. Девочка стояла зачарованно глядя на реку, думая, что надо побежать и рассказать об этом отцу. Но вдруг она заметила груды сучьев и обломков, которые кружились под берегом в маленьком водоворо-

те, пока не застряли в прибрежных камнях. На обломках лежало что-то, похожее на маленького зверька. Девочка побежала вдоль kloкочущей реки, чтобы рассмотреть его поближе, с трудом спустилась к воде и остановилась, глядя с жалостью на мокрое грязное тельце, недоумевая, кто бы это мог быть, так как никогда не видела ничего подобного. Она подтащила к берегу обломки и положила на землю зверька, а сама побежала за матерью.

Миссис Нурми хлопотала во дворе у старого самодельного очага, где летом варила краску для пряжи, а также очистки и корм для кур. Она пошла с Хельви, позвав по пути и мужа. Тот подошёл, как всегда неторопливо и спокойно. Вместе с женой и дочкой, он молча разглядывал лежащее у их ног маленькое безжизненное тельце. Мокрая шерсть прилипла к нему и стало видно, какой хрупкий у кота череп и тонкий хвост. Рейно присел и легонько приложил к тельцу ладонь, потом оттянул веки и внимательно присмотрелся. Повернувшись, он увидел вопросительный взгляд дочери, обращённый к нему.

— Стоит ли спасать утонувшую кошку? — спросил Рейно.

Видя умоляющие глаза дочери, мать Хельви кивнула. Отец больше не спрашивал. Подобрал кота, он пошёл к дому, попросив Хельви побежать вперёд и принести сухие мешки. Положив кота на согретое солнцем местечко возле очага, Нурми крепко растер его мешковиной, переворачивая с боку на бок, пока шерсть у того не встала дыбом и кот стал походить на старый взъерошенный воротник. Потом Рейно плотно обернул кота мешком, а миссис Нурми раздвинула его сжатые зубы, и Хельви влила ему в горло немного тёплого молока с коньяком.

По тельцу пробежала судорога, закончившаяся слабым кашлем. Хельви, затаив дыхание, следила, как кот судорожно икал, захлёбываясь; изо рта потекла струйка молока. Рейно положил напрягшееся тельце поперек колена и мягко нажал на грудную клетку. Кот забился, пытаясь вздохнуть и наконец изо рта его хлынул целый фонтан воды. Потом он утих.

С довольной улыбкой Рейно неторопливо передал дочери завёрнутого в мешок кота, заметив, что следует держать его в тепле и покое, если она все ещё уверена, что кот ей нужен.

Хельви пощупала печь; она ещё не остыла хотя огонь давно погас. Тогда она сунула кота в духовку, оставив дверцу открытой. Когда её мать отправилась в дом готовить ужин, а Рейно — доить корову, девочка, скрестив ноги, уселась на землю у плиты, озабоченно посасывая конец белокурой косички и не спуская глаз с кота. Время от времени она совала руку в духовку, запускала пальцы под мешковину и гладила мягкий мех; она чувствовала, что кот понемногу пробуждается к жизни.

Через полчаса Хельви была вознаграждена: кот открыл свои голубые глаза. Девочка наклонилась и заглянула в них; зрачки теперь сократились до величины булавочной головки. Хельви стала гладить кота, он зашевелился и наконец она услышала хрипкое, слабое мурлыканье.

Ещё через полчаса гладкий, довольный сиамский кот, мурлыкая, лежал у девочки на коленях. Он уже вылакал два блюдца молока (которое обычно терпеть не мог — пил одну воду) и вылизал себя с ног до головы. Пока семья Нурми ужинала, сидя вокруг выскобленного соснового стола, кот прикончил миску накрошенного мяса и теперь крутился под столом, подняв хвост, странно заунывно мяукая и пристально глядя на людей. Кот очаровал Хельви: она то и дело брала его на колени, восхищаясь его воспитанностью.

На ужин семья Нурми ела свежую щуку, приготовленную по-фински, вместе с головой, обложенную картофелем. Хельви положила голову рыбы с бульоном и картофелем в миску, и поставила её на пол. Голова быстро исчезла, за ней последовала картошка и, наконец, придерживая миску лапой, кот вылизал её дочиستا. Насытившись, он растянулся, выставив передние лапы, так что стал похож на тигра. Потом вспрыгнул к Хельви на колени, свернулся и громко замурлыкал.

Его поведение заслужило полное одобрение родителей, хотя до сих пор они не держали животного, которое не окупало бы себя и жило где-нибудь, кроме сарая или конуры.

Впервые в жизни у Хельви появился питомец. Она понесла кота с собой спать и тот непринуждённо и привычно развалился на её плече. Хельви поднялась по крутым ступенькам лестницы, ведущей в маленькую комнатку на чердаке. Там она сделала коту мягкую постель в старой деревянной люльке, и он улёгся, довольный и сонный. Было странно видеть его тёмную морду на кукольной подушке.

Девочка проснулась ночью от громкого мурлыканья над самым своим ухом и почувствовала, что кот топчется у неё за спиной. Порыв ветра швырнул Хельви в лицо несколько капель холодного дождя, и она поднялась с постели, чтобы затворить окошко. Вдалёке послышался тонкий и пронзительный плач волка. Звук был так слаб, что тут же угас, унесённый ветром. Девочка улеглась, дрожа от холода, и придвинула поближе тёплого, мягкого кота.

Утром, когда Хельви отправилась в школу, кот лежал на подоконнике, свернувшись между горшками с геранью. Он съел большую тарелку овсяной каши, шкура его блестела на солнце, и он сонно её вылизывал, следя глазами за миссис Нурми, когда та заходила в дом.

Но когда миссис Нурми вышла во двор с корзинкой выстиранного белья и оглянулась на кота, тот стоял на подоконнике на задних лапах, опираясь передними на стекло и, очевидно, мяукал — рот его беззвучно открывался и закрывался. Миссис Нурми поспешила назад, опасаясь за свои герани, и открыла дверь, в которую кот уже скрёбся; женщина была уверена, что он убежит. Вместо этого, кот пошёл за ней следом к бельевой верёвке и, мурлыча, уселся у корзины.

Так и ходил он за ней взад и вперёд, от домика к плите, от курятника к хлеву. Когда миссис Нурми его случайно не впустила, кот жалобно завопил.

Так гость вёл себя целый день: следовал, как тень за Нурми и его женой. Иногда он вспрыгивал бесшумно на сиденье конных грабель или на мешок с картофелем, на ясли или крышку колодца и оттуда неотрывно следил за супругами.

Миссис Нурми растрогало, что кот так нуждается в людском обществе. Он вёл себя совсем не так, как другие кошки, и женщина приписала это его заморскому происхождению. Но мужа её было не так-то легко провести: он уже заметил странно пристальный взгляд голубых глаз кота. Когда ворон, пролетая над котом, передразнил его — тот и не взглянул вверх. Позже, сидя в хлеву, кот не обратил никакого внимания на шорох в соломе позади себя. Тогда Рейно понял, что кот оглох.

Большую часть пути от автобуса до дома Хельви бежала; увидев кота, вышедшего ей навстречу, девочка радостно схватила его на руки. Лёгко сохраняя равновесие, он сидел на плече Хельви, пока она делала свою вечернюю работу по дому. Девочка покормила кур, собрала яйца, принесла воды и затем села за стол нанизывать сухие грибы. Перед ужином девочка спустила кота на пол и убедилась, что отец прав: он не слышал, хотя и вздрагивал и поворачивал голову, когда она хлопала в ладоши или роняла на пол даже небольшой камешек, — очевидно, ощущал вибрацию воздуха.

Хельви принесла две книжки из передвижной библиотеки и после ужина, когда со стола была убрана посуда, родители, перед тем как отправиться спать, присели у печки, а дочь читала им вслух, объясняя как умела то, что было им непонятно.

В этот час редкого отдыха один тихий голосок ребёнка звучал в суровой тишине скромного жилья. Сегодня девочка читала о сиамских котах-мореплавателях, которых брали в кругосветные путешествия. Матросы, их друзья, сплетали для них маленькие гамаки и подвешивали рядом со своими койками; читала она и об отряде гордых сиамских крысоловов, бдительно патрулирующих портовые склады Гавра. Затем воображение перенесло слушателей во дворцы далекого Сиам, где сторожа-коты грациозно и бесшумно ходят на длинных обезьяньих лапах по дворам с фонтанами, и подушечки их лап столетиями полируют мозаику пола. Наконец, они узнали откуда у всех этих благородных сиамских котов такие странные загнутые на кончиках хвосты. Сиамские принцессы, собираясь купаться в дворцовом озере, снимали с пальцев свои кольца и перстни и

нанизывали на хвосты, котам, сопровождающим их. А те, гордясь оказываемым им доверием, сгибали кончик хвоста, чтобы не уронить кольца, и со временем их кончики так и остались загнутыми. Так было у их детей, и у внуков, и у правнуков.

Супруги Нурми, слушая с изумлением, видели, что на тряпичном половичке у их ног лежит в царственно непринуждённой позе один из этих котов. Его знаменитый хвост лениво подёргивался; похожие на драгоценные камни глаза глядели на руку их дочери, когда она переворачивала страницы книги, в которой рассказывалось о его предках.

И все члены семьи по очереди с восхищением трогали изогнутый кончик кошачьего хвоста, чтобы воочию убедиться в правдивости предания.

Затем Хельви дала коту чашку молока, которую он выпил с достоинством и снисходительностью, и понесла его к себе наверх спать.

Эту и следующую ночь кот спокойно спал, свернувшись клубком в объятиях Хельви, а днём, когда девочки не было, повсюду следовал за её родителями: ходил по пятам за миссис Нурми, когда та искала в роще поздние грибы, потом сидел на крыльчке и играл зёрнышками кукурузы, которую она лущила. Кот увязался за Рейно и его рабочей лошадью, когда те отправились через поле в лес и там взобрался на свежесрубленный пень, остро пахнущий смолой. Он вертел непрерывно головой, внимательно следя за каждым движением человека и лошади. Свернувшись у двери хлева, кот наблюдал, как Рейно чинит сбрую и смазывает капканы.

Когда в середине дня возвращалась Хельви, кот уже ждал её, загадочный и прекрасный. Казалось, он появился здесь неведомо откуда для того, чтобы скрасить их унылые будни!

А на четвертую ночь, лежа за спиной Хельви, кот забеспокоился и затряс головой. Жалобно мяукая, он скрёб лапой уши. Потом он улёгся, громко мурлыча и тычась головой в руку Хельви — мех за ушами был насквозь мокрым.

Глядя на чёрные остrokонечные треугольники кошачьих ушей на фоне маленького квадрата окна, Хельви заметила, как они трепещут при каждом слабом звуке. Девочка заснула, радуясь, что кот снова слышит.

Среди ночи Хельви проснулась, почувствовав, что за её спиной больше нет тёплого комочка, и увидела что кот сидит на подоконнике и смотрит в открытое окно на смутно видимые в темноте поля и высокие тёмные деревья.

Едва Хельви протянула к нему руку, как кот прыгнул и мягко упал на землю. Девочка выглянула из окна и увидела, что он впервые повернул голову на её голос и глаза его сверкнули, как рубины, отражая свет луны. Но кот тут же отвернулся, и Хельви с горькой уверенностью почувствовала, что отныне она более не нужна ему.

Девочка следила сквозь набежавшие слёзы, как кот, словно ночной дух, крался к реке. Вскоре он исчез в темноте.

7

Лишившись кота, обе собаки продолжали свой путь понурые и невесёлые. Особенно приуныл старый пёс, так как кот уже долгие годы являлся его близким, верным товарищем. Началась их дружба ещё в те времена, когда маленький яростно шипящий котёнок почти белый, но со смешными длинными лапами в чёрных чулках, появился в семье Хантеров. Котёнок не желал уступить ни пяди земли злему, ревнивому бультерьеру, который был признан врагом кошек и наводил ужас на все окрестное кошачье население. Наоборот, котёнок явно стремился вступить в бой.

В первый и последний раз в своей жизни пёс отступил. С того дня между этими двумя животными возникла дружба.

Удивительно, что котёнок тоже не любил кошек и они с псом вели с ними непрерывную войну, образовав забавный, противоестественный союз. Когда кот и пёс выходили погулять, исчезали не только кошки, но и собаки. С годами друзья, разумеется, несколько смягчились, стали более

терпимыми к окружающим животным, только требовали уважения и покорности, принимая это как должную дань победителям

Исключение было сделано лишь для мирного молодого пса, когда спустя много лет он появился в доме. Но нежность, которую они питали к нему, была чем-то совершенно иным, нежели привязанность их друг к другу...

Теперь собаки должны были целиком полагаться только на себя. лабрадор старался сделать все, чтобы научить своего друга искусству ловли лягушек и полевых мышей, но у терьера было слишком слабое зрение, чтобы он мог добиться в этом больших успехов. Тем не менее им везло больше чем обычно. Однажды они натолкнулись на большую каменную куницу, собравшуюся сожрать только что убитого ею дикобраза. При их приближении осторожная куница мгновенно исчезла в чаще леса, а распростёртый мёртвый дикобраз достался собакам. Такого пира у друзей давно не было. Мясо зверька оказалось на редкость сладким и нежным.

В следующий раз лабрадор поймал выпь, которая стояла у кромки воды на берегу небольшого озера как изваяние: длинная шея, маленькая головка, вытянутое туловище; лишь глаз настороженно моргал. Едва пёс прыгнул, птица неуклюже и недостаточно проворно взлетела, и лабрадор успел схватить её за ноги. Хотя волокнистое мясо пахло рыбой, собаки с жадностью набросились на добычу, от выпи остались вскоре лишь клюв да лапы.

Как-то раз собаки осторожно обходили маленькую ферму, но лабрадор, всегда недоверчиво относящийся к людям, был настолько голоден, что отважился пересечь открытое поле перед фермой и на виду у всех схватил одного из гуляющих здесь цыплят.

Собаки ещё не успели разделаться с цыплёнком, когда услышали гневный крик и увидели в дальнем конце поля человека. Впереди него бежал, злобно лая, чёрный колли.

Молодой пёс приготовился к неизбежной драке. В нескольких метрах от него колли пригнулся, оскалился, потом бросился, чтобы вцепиться врагу в горло. Лабрадор был никудышним бойцом: тяжёлый, сильный,

но с челюстью приспособленной только для переноски убитой дичи и мягкими губами. Единственное, что могло его защитить от острых, как бритва зубов, другой собаки, были толстые складки вокруг горла.

Очень скоро стало очевидным, что Лабрадор сдаёт. Голодная диета сказалась на его выносливости. Опрокинутый на спину пёс лежал на земле, а колли уже готовился нанести последний удар, но тут вступился старый пёс. До этой минуты он был просто заинтересованным зрителем, которого драка интересовала лишь с профессиональной точки зрения, как настоящего бультерьера.

Теперь его чёрно-смородиновые глазки загорелись, приземистое, крепко сбитое тело напряглось, рассчитывая прыжок с мастерством и точностью, выработанными долголетней практикой. Ещё минута — и белый, упругий, подобно выпущенному из пушки снаряду, он бросился к горлу колли. Чёрная собака отлетела, как пёрышко, и бультерьер остервенело сжал челюсти на её мускулистом горле и затряс головой, успев заметить, что лабрадор уже снова на ногах.

Всё-таки зубы у терьера были тупые, и колли, напрягшись, сбросил его. Но едва он оказался на земле, как снова прыгнул, чтобы мёртвой хваткой вцепиться в горло. Казалось, что он помолодел лет на пять и обрёл свою лучшую боевую форму.

Он опять опрокинул колли, на этот раз плотно сомкнув челюсти и тряся крупной головой, пока собака под ним не начала задыхаться и давиться. Колли сделал отчаянное, судорожное усилие и вывернулся, но терьер все ещё висел огромной белой пиявкой на его шее. Наконец чёрная собака с трудом встала на ноги. Терьер разжал челюсти и отошёл прочь, вызываясь повернувшись спиной к врагу, хитро, по-змеиному, скосив глаза. Колли нетвёрдо держался на ногах, из горла его капала кровь; он ждал защиты хозяина. Это был храбрый пёс, но он никогда не подвергался такому яростному нападению.

Лабрадору уже все это надоело, но терьер ещё наслаждался как следует и, пристально разглядывая колли, раздумывал. Вдруг он начал носиться вокруг колли, как будто гонясь за собственным хвостом, все ближе

и ближе и, наконец, совсем приблизившись к сбитому с толку противнику, завертелся с ним рядом, как дервиш, и сбил его с ног, так что тот отлетел на несколько шагов, а терьер продолжал носиться вокруг него, заканчивая каждый круг новым толчком. Так терьер наказывал врага.

Колли, избитый, искусанный в ужасе от такого беспримерного способа борьбы, воспользовался секундой перерыва между толчками и, поджав хвост, бросился наутёк к хозяину; а тот наградил его ударом по голове, которая и так шла у него кругом...

Обнаружив перья цыплёнка, фермер с злостью швырнул палкой в убегающую белую собаку, но за долгую жизнь у бультерьера было столько драк, столько палок летело ему вслед, что он, даже не повернув головы, инстинктивно увернулся и от этой. Он продолжал спокойно бежать рысью, нагло раскачивая своим круглым задом.

После битвы к старому псу возвратилось бодрое, хорошее настроение. В этот вечер он поймал полевую мышь на ужин и подкинул её в воздух умелым броском, который оказал бы честь и его предку.

Раны изрядно болели и мешали передвигаться молодому псу, но тем не менее он тоже казался счастливым. Может, потому, что западный ветер, который дул этой ночью, смутно напоминал о чем-то родном, глубоко волновавшем собачье сердце. Лабрадор понял, что каждый день и каждый час приближают их к цели. Может быть, радовало пса и то, что места, по которым они шли теперь, стали менее суровыми, менее дикими и все больше походили на страну, в которой он вырос. Или — кто знает — не передавалось ли ему настроение товарища, так заразительно довольного собой? Что бы там ни было, молодой пёс сейчас был спокойнее, чем в самом начале пути.

Этой ночью они спали в неглубокой сухой пещере около заброшенной молибденовой шахты на гребне холма. Здесь наружу выдавалась большая отлогая каменная плита, покрытая лентами сброшенных змеиных шкур, таких сухих и лёгких, что они как живые, извивались и шелестели при малейшем дуновении ветерка всю ночь напролёт.

Едва первые бледные полосы рассвета забрезжили на востоке, молодой пёс услышал шум. Кто-то приближался сюда, шурша сухой листвой и ветками. Пёс настороженно поднялся. Дрожа от возбуждения, он уселся, сначала узнав запах, а потом увидев, что мимо отверстия пещеры переваливаясь, спокойно идёт большой дикобраз, возвращающийся с ночной кормёжки. Вспомнив о чудесном пире, которым их когда-то случайно угостила каменная куница, молодой пёс решил попробовать это лакомство ещё раз. Он набросился на дикобраза, собираясь опрокинуть, а затем убить его, как это проделал у него на глазах другой зверь.

Но, к своему несчастью, он не видел кропотливой подготовки, которую провела опытная куница, прежде чем убить дикобраза; она хитро дразнила его, пока большая часть игл не вонзилась в упавшее дерево; лишь потом последовал ловкий безошибочный удар сбоку по плечу, почти обезоруженного дикобраза, прятавшего свой уязвимый нос и горло под деревом.

Как только лабрадор прыгнул, дикобраз, сознавая опасность, повернулся с необычной для такого, казалось бы неуклюжего животного, быстротой и хлестнул страшным хвостом по собачьей морде. От неожиданной боли лабрадор взвизгнул и отскочил, а дикобраз засеменял прочь чуть ли не с оскорбленным видом.

Лабрадору ещё повезло; удар пришёлся сбоку, вскользь, не задев глаз. Но трёхдюймовые острые иглы с зазубренными концами крепко вонзились в морду и причиняли собаке мучительную боль. Как пёс ни старался избавиться от них, получалось ещё хуже: упругие шипы глубже вошли в тело. Лабрадор рвал их лапами, скрёб когтями, пока не пошла кровь, тёрся головой о землю и стволы деревьев.

В конце концов он оставил попытки освободиться от колючек и побежал дальше. Но на привалах по-прежнему тряс головой, неистово скрёб морду лапами.

8

Кот был проворным и умелым путешественником. Для него не составило труда найти след собак, где они свернули от реки на запад. Задерживал кота только ненастный дождь.

Во время ливня сиамец сиротливо сворачивался под каким-нибудь укрытием, прижимал уши, глядя в смертельной тоске косящими больше чем когда-либо глазами, и ожидал, когда упадёт последняя капля дождя. Только тогда он отваживался выходить из-под укрытия. Потом он с отращением выбирал дорогу среди мокрых зарослей и травы, все время останавливаясь и отряхивая лапы.

Кот продвигался вперёд неслышно. То тут, то там едва шевельнулась ветка, да раздавался короткий шелест сухого листка, но ни разу не хрустнула ни одна хворостинка и не покотился ни один камешек под его уверенными, бесшумными шагами.

Кот видел всё и всех, а его не видел никто. Многие звери и не подозревали, что из зарослей или с дерева на них устремлён холодный изучающий взгляд.

На рассвете он подошёл почти вплотную к оленю, спокойно пьющему воду из озера; он видел острый нос и блестящие глаза лисицы, пытливо выглядывающей из кустов, смотрел на мускулистое, гибкое тельце и злобные, неприятные мордочки норок и куниц; однажды взглянув вверх, он заметил высоко над собой, в развилке голых ветвей берёзы, голову каменной куницы, похожей на выдру, он видел, как животное прыгнуло, взмахнув пушистым хвостом, преодолев сразу пятнадцать футов, и скрылось в зелёном сумраке качающейся сосны. Кот презрительно глядел, отдыхая на суку дерева, как под ним бесшумно прокрался вдоль дороги тощий серый волк.

Извечный инстинкт говорил сиамцу, что не нужно оставлять за собой следов. Остатки добычи, которую он с такой ловкостью убивал, кот зарывал в землю и прикрывал сверху листвой; так же аккуратно он убирал свои испражнения, наскребая на них свежей земли. Спал он немного

и чутко, где-нибудь высоко, в густой кроне хвойного дерева. Там он ничего не боялся.

На рассвете второго дня странствия он вышел напиться на берег заросшего камышом озера. Он прошёл футам в ста от шалаша, грубо сооружённого из веток и камыша, в котором, согнувшись, сидели двое мужчин с ружьями на коленях и индейская собака чизапикской породы. Перед ними на воде качалась целая флотилия чучел, очень похожих на настоящих уток.

Когда, бесшумный и невидимый, кот крался мимо, собака беспокойно зашевелилась, тихонько повизгивая и повернув голову, но один из мужчин прикрикнул на неё и она улеглась, наострив уши и продолжая внимательно поглядывать.

Некоторое время кот пристально смотрел на собаку из камышей, потом высоко выставил кончик хвоста; хвост торчал из травы, покачиваясь из стороны в сторону, а кот наслаждался бессилием расстроенной собаки. Потом, повернувшись, кот стал пробираться к берегу, где скоро его длинное тело увидел в бинокль один из мужчин.

— Сюда, кис, кис! — позвал он неуверенно.

И снова:

— Киска, кис, кис, сюда! Кис! — но кот не обращал на него никакого внимания.

Свернув розовый язык трубочкой, он нарочито медленно лакал воду. Теперь его звали двое, недоверчиво, сдавленно смеясь. Кот поднял голову и взглянул на чернеющие на фоне неба, поднявшиеся во весь рост две фигуры. Слыша их взволнованные голоса, кот — искусный притворщик — изящно отряхнул по очереди каждую лапку, осторожно слез с камня и, чрезвычайно довольный, скрылся из глаз.

Ранним туманным утром, продолжая идти по следу, кот обнаружил наполовину съеденную кроличью шкурку и остатки потрохов совсем свежие. Обнюхав камни вблизи, кот понял, что собаки провели здесь ночь, а потом пересекли тянущееся на несколько миль болото, заросшее ельником и кедром. Путь лежал то по влажной топи, то по сухому грунту,

мягко усыпанному хвоей. Это были мрачные места и кот, очевидно, встревожился, часто оглядываясь, как будто опасаясь, что за ним следом кто-то идёт. Несколько раз он взбирался на дерево и выжидающе наблюдал, сидя на ветке. Но тот, кого он чуял или угадывал, проявлял не меньшую хитрость и не показывался.

Кот все время был настороже, ощущая каждым нервом, что его преследует враг. С облегчением увидев, что полоса густого мрачного леса кончается, он побежал быстрее. Впереди уже виднелся просвет голубого неба — значит, недалеко открытое место.

Впереди, поперек оленьей тропы, по которой бежал кот, лежало старое упавшее дерево. Он вспрыгнул на ствол, на мгновение задержался и тут каждый волосок на его теле встал дыбом: он явственно услышал и даже скорее учуял чем различил на слух, совсем рядом преследующее его животное. Не мешкая ни секунды, кот прыгнул на берёзу и повис, вцепившись в ствол когтями, оглядываясь на тропинку. Так же мягко и неслышно, как он сам по тропе шла громадная кошка. Но она отличалась от обычной домашней кошки не менее, чем отличался от неё он, сиамец. Кошка на тропе была почти вдвое больше обычной, коренастая и тяжёлая, с коротким, будто обрезанным, хвостом и толстыми мохнатыми лапами. По светло-серой, с рыжеватым оттенком, шерсти шли редкие, более тёмные крапинки. Голова не отличалась от головы обычной кошки, разве что меховым ошейником, да над ушами торчали кисточки. Морда её была свирепой и жестокой, и кот инстинктивно почувствовал, что перед ним природный убийца, намного превосходящий его по силе, свирепости и ловкости.

Кот вскарабкался на молодую берёзку как можно выше и прильнул к тонкому стволу, который раскачивался под его тяжестью.

Рысь остановилась посреди тропы, приподняв тяжёлую лапу и пристально глядя вверх злобными сверкающими глазами. Сиамец прижал уши и ядовито зашипел, потом быстро огляделся кругом, прикидывая, где можно спастись.

Лёгким прыжком рысь очутилась на верхушке сваленного дерева и ещё одну длинную минуту две пары глаз с ненавистью впивались друг в друга. Сиамец издал низкий, свистящий звук, охлёстывая себя хвостом по бокам. Рысь перепрыгнула на берёзу и легко обхватила лапами могучий сук, потом, впиваясь длинными когтями в ствол, она полезла вверх к коту, который отступал, пока было возможно, раскачиваясь на угрожающе тонком суку. Дерево все больше перегибалось и кот еле-еле удерживался на самом кончике ветки. Рысь вытянула лапу и, не достав до кота, сорвала когтями полосу коры со ствола.

Кот тоже махнул лапой, но ветвь под ним раскачалась так сильно, что он не удержался и упал, но тут же перевернулся и стал на ноги. В нескольких метрах от себя он услышал глухой удар от падения тяжёлого тела: дерево, выпрямляясь, сбросило рысь почти одновременно с ним, но более грузное животное ударилось сильнее и вскочило чуть менее быстро. Доля секунды, пока рысь, переводя дух, стояла на месте, дала коту небольшое преимущество и он, как стрела, понёсся по узкой оленьей тропе. Почти тотчас услышал он вплотную за собой прыжки рыси. Повернуться и сражаться было бесполезно. Это не был глупый медведь, которого можно обмануть и запугать, а такой же коварный и безжалостный зверь, каким был сам кот по отношению к другим, более мелким животным.

Удирая, кот знал, что бежать бессмысленно. В отчаянии вспрыгнул он на ствол сосенки, но деревцо было молодое и недостаточно высокое, чтобы его укрыть.

Враг поступил на этот раз хитрее: он взобрался только до половины ствола и начал раскачивать гибкое деревце из стороны в сторону, стараясь стряхнуть кота вниз. Положение было отчаянное. Дождавшись, когда качающееся дерево наклонилось к земле, кот весь собрался, так что стал похож на свёрнутую пружину, и метнулся вниз. Рысь тоже была ловка, но на волосок промахнулась и кот, резко свернув в сторону, помчался в обратном направлении. На счастье в пригорке перед ним оказалась кроличья нора, и кот, как пуля, влетел в неё. Теперь когти рыси были ему не

страшны. Он втиснулся в нору как можно глубже и сжался в комок. Нора была настолько узка, что кот даже не мог повернуться. Рысь тоже согнулась у норы и засунула в неё лапу. К счастью, кота она не достала. Рысь опустила голову и опрометчиво заглянула в отверстие. Ей пришлось тотчас отпрянуть в бессильной ярости; из норы прямо ей в морду ударил фонтан земли — кот, работая задними лапами, вышвыривал землю наружу.

Рысь попятилась и стала готовиться к новому наступлению. На поляне воцарилась тишина и все выглядело мирным и тихим, в то время как сердце у несчастного, попавшего в ловушку, кота дико колотилось. Рысь начала разрывать землю вокруг входа в нору своими мощными передними лапами и так занялась этим, что ничего вокруг не слышала и не замечала.

Она не учуяла, как с подветренной стороны неслышно приблизился мальчик и зашел в кусты. На нем была ярко-красная курточка и кепка, в руках он нес ружьё.

Мальчик двигался бесшумно не потому, что увидел рысь, а оттого, что выслеживал оленя. Он и его отец продвигались параллельно, давая друг другу знать о себе условленными сигналами. Мальчик был очень взволнован и горд, ибо впервые отец счел сына достаточно самостоятельным, чтобы взять его на охоту и доверить ему ружьё.

Неожиданно мальчик увидел разъярённую рысь, с негромким рычанием разгребающую грунт, в то время как на неё откуда-то непрерывно сыпалась земля.

В этот момент рысь оглянулась и заметила мальчика. Она пригнулась рыча и без страха, с ненавистью, глянула ему в глаза. Мгновение — и рысь прыгнула — готовая и к бою и к бегству, и в тот же момент мальчик поднял ружьё, прицелился и выстрелил — все одним, быстрым движением. Рысь перекувырнулась в воздухе и ударилась о землю, с жутким свистом выпустив воздух из лёгких. Дёрнулись передние лапы, по телу пробежала последняя судорога — рысь была мертва.

Мальчик подошёл к неподвижному зверю. Он ещё слегка дрожал, и был не в силах забыть злобный свирепый взгляд рыси, которая теперь лежала перед ним, обнажив белые клыки.

Мальчик стоял и глядел на рысь, не подходя к ней и не дотрагиваясь, ожидая отца, который уже бежал, задыхающийся и взволнованный, окликая на бегу сына. Мужчина остановился, поражённый, увидев сначала рыжевато-серого зверя, распростёртого на сосновой хвое, а уже потом бледное лицо сына. Отец перевернул зверя и показал сыну маленькое аккуратное отверстие, куда вошла пуля.

— Точно в сердце!

Он поднял глаза, усмехнувшись, и мальчик тоже неуверенно улыбнулся. Сын перезарядил ружьё и привязал к ветке красную косынку, чтобы при возвращении легче было найти место, где лежала рысь.

Потом, оживлённо переговариваясь, люди ушли вместе по тропе, а кот сидя в своей норе слушал, как удалялись их голоса.

Когда все стихло, кот, пятясь задом, вылез оттуда и вышел на открытую солнечными бликами поляну. Он был весь грязный и, не обращая никакого внимания на мёртвого зверя, уселся шагах в десяти от него и принялся невозмутимо чистить свой мех от кончика хвоста до носа. Закончив свой туалет, он с наслаждением потянулся, а в заключение презрительно повернулся к рыси спиной и задними лапами засыпал ей морду землёй.

После этого он пустился в путь, хладнокровный и самоуверенный, как всегда.

Спустя два дня кот догнал собак. Он вышел на гребень холма, у подножья которого лежала долина, прорезанная небольшим ручьём, затенённым зарослями ольхи.

На противоположной стороне долины, среди голых деревьев, он ясно увидел две дорогие ему фигуры — золотистую и белую. Кот взволнованно забил хвостом и пустил жалобный, призывный вопль.

Оба животных на холме напротив застыли, точно вкопанные, услышав, как эхо разнесло над спокойной долиной хорошо знакомый зов.

Вспрыгнув на скалу, кот вновь издал глухой хрипловатый вой, ясно донёсшийся до собак. Те вертелись, все ещё не веря и не видя кота. Наконец, молодой пёс разглядел его, неистово залаял и помчался вниз и перемахнул через ручей. За ним, не отставая, нёсся старый пёс. Кот тоже ринулся навстречу, делая огромные прыжки. Они встретились на берегу маленького ручья.

Старый пёс совсем обезумел от радости. Он неистово облизывал кота, дважды сбил его с ног, нетерпеливо тыча головой. Потом, в восторге начал крутиться вокруг кота, как тогда вокруг колли. Он приближался кругами, и, очутившись рядом, ринулся на кота; тот спасся от удара, вскочив на ствол дерева, затем перевернувшись, свалился оттуда на спину псу.

Глядя на все это сияющими глазами, молодой пёс стоял в стороне и медленно, радостно помахивал хвостом, ожидая пока придёт его черёд.

Когда старый белый пёс, изнемогая от восторга, свалился, едва не задохнувшись, лабрадор подошёл к коту. Тот встал на задние лапы и сочувственно обследовал, разорванное ухо собаки.

Этой ночью трудно было бы найти более счастливых животных, чем эти трое. Они улеглись под старой развесистой пихтой у берега ручья, на душистой хвое. Между лапами старого терьера снова лежал его любимец, тёплый, мурлыкающий кот, и пёс посапывал, глубоко удовлетворённый. Лабрадор, их заботливый вожак, вновь, обрёл своих подопечных и мог с лёгким сердцем продолжать путь.

9

Позади лежало более двухсот миль, путники, как прежде, были втроём, но среди них только кот остался целым и невредимым. Старый пёс все же упорно тащился вперёд; хуже было лабрадору, Его некогда прекрасная, блестящая шерсть свалаялась и морда безобразно раздулась и казалась странно огромной по сравнению с исхудавшим туловищем. Из-за мучительной боли в воспалённой челюсти он почти не мог открыть рта, так что буквально умирал от голода.

Его подпускали первым к любой добыче, убитой котом, и лабрадор питался исключительно кровью, которую мог слизать со свежей дичи.

По заведённому порядку целый день они двигались вперёд. Собаки рысили бок о бок спокойно, целеустремлённо: со стороны их можно было принять за двух домашних баловней, выбежавших на небольшую прогулку.

Как-то утром, в глухих лесах Айронмаус, именно за таких и принял собак лесник, возвращавшийся с обхода по заброшенной тропе к своему джипу.

Собаки скрылись за поворотом вдаль и лесник, занятый осмотром деревьев, тут же о них забыл. Лишь значительно позже, уже под вечер, его неожиданно осенила мысль, что в этих местах на тридцать миль вокруг нет человеческого жилья.

Старший лесник, которому он рассказал о встрече, насмешливо расхохотался и спросил, уж не видел ли он заодно и эльфов, прыгающих с поганки на поганку?

А неделю спустя наступила очередь лесника посмеяться, когда оказалось, что все это ему не приснилось...

Тем временем на Хирон-лейк Джон Лонгридж с братом готовились к заключительной поездке сезона.

В Англии семья Хантеров собиралась в обратный путь, домой.

Миссис Оукс в старом каменном доме занималась чисткой и уборкой, а её муж складывал в сарай дрова.

Трое же друзей продолжали свой путь.

Теперь местность выглядела более обжитой. Раза два они видели вдаль маленькие одинокие деревушки. Молодой пёс решительно избегал их, стараясь всегда держаться леса или густого кустарника, чем вызвал негодование старого пса, твёрдо уповавшего на доброту и отзывчивость людей.

Но вожак был молодой. Как ни влекли к себе бультерьера дальние дымки из деревенских труб, ему приходилось сворачивать в сторону.

Однажды во второй половине дня на протяжении нескольких миль их преследовал одинокий волк, которого, видимо, заинтересовал кот. Он не представлял большой опасности: как бы ни был голоден волк, он никогда не отважится напасть на двух собак.

Однако молодой пёс, как и все собаки, испытывал к волку ненависть и страх, чувства, восходящие должно быть, к тем давним временам, когда они имели общего предка.

Лабрадора тревожила и смущала крадущаяся за ними серая тень, мелькавшая в чаще всякий раз, когда пёс оборачивался порычать. Солнце уже садилось, и раздражённый измученный болью, понимая, что от ненавистного волка им не избавиться, лабрадор избрал меньшее из двух зол — вышел из кустарника на тихую сельскую дорогу. Вдоль неё, далеко друг от друга, стояли фермы.

Молодой пёс торопил своих товарищей. Он чуял, что волк не станет преследовать их вблизи человеческого жилья.

В сумерках они приблизились к деревушке. Несколько маленьких домиков обступили белую бревенчатую церковь и школу. Молодой пёс уже повернул, чтобы обойти деревню, но терьер неожиданно взбунтовался: он был как всегда голоден и твёрдо знал, что в этот вечер, когда рядом человеческое жильё, единственно разумный путь добыть пищу — получить её из человеческих рук? Его глазки заблестели. Пренебрегая грозным ворчанием лабратора, он затрусил дальше по запретной дороге, к домам, вызываясь раскачивая округлыми пороссячьими ляжками, прямо прижав уши к голове.

Молодой пёс не стал более сопротивляться. У него разламывалась от боли голова, и больше всего в эту минуту ему хотелось остановиться и чесать, скрести и тереть о землю воспалённую морду.

Терьер миновал несколько первых коттеджей, таких привлекательных для него, избалованного домашним уютом. В спокойном вечернем воздухе стояли столбы дыма, отовсюду доносились мирные звуки голосов и запахи человека.

Пёс задержался у маленького белого коттеджа, с упоением вдыхая чудесный аромат еды, смешанный с запахом древесного дыма. Облизнувшись, он поднялся по ступенькам к двери, уверенно поднял лапу, требовательно поскрёбся и сел, выжидательно навострив уши.

Он не был разочарован. Открылась дверь, и в полосе света показалась маленькая девочка. От неожиданности старый пёс замигал своими косыми глазами и оскалился. Оскал этот должен был означать, что бультерьер улыбается, но вряд ли могло быть что-нибудь более безобразное, чем эта улыбка.

Почти тотчас последовал испуганный вопль:

— Папочка!..

И перед мордой терьера захлопнулась дверь. Пёс был озадачен, но все же настойчиво поскрёбся снова и склонил голову на бок, выжидательно поставив большие треугольные уши. Внутри слышались быстрые шаги, из окна выглянуло чьё-то лицо. Пёс вежливо полаял, напоминая о себе.

Вдруг дверь распахнулась и выскочил человек с лицом, искажённым злобой, держа в руке полное ведро. Он выплеснул содержимое прямо в морду удивлённой собаки и схватился за метлу.

— Пошёл вон! Пошёл вон отсюда! — завопил человек, так угрожающе размахивая метлой, что терьер поджал хвост и промокший, жалкий пустился наутёк.

Он не был испуган, а лишь глубоко обижен: никогда ещё за его долгую жизнь человек не отвечал таким образом на дружеское приветствие. Пёс знал справедливый гнев, который обрушивался на него, когда в молодости он обижал животных, принадлежавших людям. Он понимал смех, — иногда раздражение, но грубое обращение и невоспитанность, которые он увидел только что, — никогда!.. Расстроенный и разочарованный, он скромненько пристроился позади своего жоака.

В двух милях за деревней от дороги, по которой они двигались, отходил извилистый просёлок, ведущий к ферме на холме. Они пересекли тёмное поле, испугав пасшихся там старую белую лошадь и нескольких

коров, и направились к постройкам на некотором расстоянии от дома. Из трубы над одним из строений поднималась тоненькая струйка дыма. Это была коптильня, в ней жгли хворост орешника, и на медленном огне коптили окорока.

Путешественники подошли ближе и прижались к чуть тёплому основанию дымохода. Здесь они решили переночевать.

Молодой пёс провёл беспокойную ночь. От непрерывного чесания раны на его морде превратились в открытые язвы. Распространившееся на железы воспаление вызвало лихорадку и жажду. Несколько раз лабродор оставлял товарищей и ходил пить к маленькому пруду неподалёку, забираясь по грудь в прохладную, успокаивающую воду.

Когда старый пёс проснулся, дрожа от холода, он был один. Невдалеке распластался на брюхе, прижавшись к земле и возбужденно подёргивая хвостом кот; он подкрадывался к очередной жертве. В утреннем воздухе, неодолимо маня терьера, разносился знакомый запах дымка и чего-то съестного.

Над долиной подымался туман, сквозь который проглядывало тусклое солнце. Старый пёс миновал ветрозащитную аллею из высоких норвежских сосен и подошёл к двери фермы. Память у него была короткой: человеческие существа снова водрузились на принадлежащий им по праву пьедестал, держа в руках рог изобилия, наполненный едой.

Терьер жалобно заскулил. После вторичного, уже более громкого призыва из-под соседнего амбара вылезло несколько кошек. Они принялись с возмущением разглядывать его; глаза их сверкали как у тигров. В любое другое время он немедленно обратил бы их в бегство, но сейчас у него было более неотложное дело и он предпочёл их не замечать.

Дверь отворилась и оттуда вырвался чудесный запах сала и яиц. Терьер призвал на помощь все свои чары: заискивающе замахал хвостом, прижав уши к голове и сморщил нос, глаза у него хитро заблестели.

Последовало изумлённое молчание, а затем — низкий добродушно-весёлый мужской голос произнёс: «Вот так гость!».

Обладатель голоса оглядывал странного посетителя, чьи глаза теперь так закатились, что, почти исчезли подо лбом.

Человек обернулся назад и сказал что-то. Из помещения ему ответил приятный, мягкий, женский голос. Послышались шаги. Терьер решительно завилял хвостом.

На пороге остановилась женщина, с удивлением глядя на белое чудище. Когда же её лицо осветилось улыбкой, пёс воспитанно протянул ей лапу. Обезоруженная, женщина рассмеялась, нагнувшись, потрясла лапу, потом пригласила пса за собой в дом. Терьер вошёл вежливо и с достоинством и пристально, с надеждой уставился на плиту.

На этот раз ему очень повезло, так как во всей округе не было более гостеприимного дома и более добрых людей. Здесь жила немолодая чета — Джеймс и Нэлл Маккензи. Теперь они были одни в просторном доме фермы, где ещё сохранилась атмосфера большой, дружной семьи, жившей здесь. Маккензи хорошо относились к животным, так как у них выросли восемь детей и в доме беспрерывно появлялись то осиротевшие котята, то непризнанные дворняжки, то брошенные детёныши выдры, то какие-нибудь другие беспризорные животные. Сначала они жили во дворе, но потом неизменно, под самыми нелепыми предложениями, переселялись в дом. Мягкое сердце Нэлл Маккензи было беззащитно перед ними, как прежде, так и теперь.

Нэлл дала гостю миску объедков, он жадно их проглотил, не прожёвывая, и опять уставился на неё, прося добавки.

— Да он же умирает с голода! — воскликнула она в ужасе и отдала псу собственный завтрак.

Все было так же, как много лет назад, — будто это один из её сыновей притащил очередную полудохлую от голода собаку. А пёс наслаждался, опустошал одну за другой миски, едва они оказывались на полу. Джеймс молча протянул и свою тарелку, и... с тем же результатом. За этим последовал поджаренный хлеб и целый кувшин молока.

Наконец, раздувшийся и довольный, старый пёс растянулся на коврике у тёплой плиты, а Нэлл принялась готовить новый завтрак.

— Какой он породы? — спросила она немного погодя. — Я никогда не видала такого уродца... Он выглядит так, будто его зачем-то втиснули в чужую шкуру.

— Это английский бультерьер, — ответил её муж. — Отличный экземпляр, между прочим — настоящий старый боец! Я их очень люблю. Видно, совсем недавно был в переделке, а ему должно быть добрых десять-одиннадцать лет.

Почувствовав в голосе мужчины восхищение и уважение, столь редко выпадающие на её долю, собака от счастья заколотила хвостом о пол, потом вскочила и ткнулась костлявой головой в колени хозяина.

Одобрительно посмеиваясь, Маккензи поглядел вниз:

— Самоуверен, как бес, но неотразим! Не правда ли? Все же — что нам с тобой делать?

Нэлл погладила собаку по плечу и почувствовала под рукой шрамы. Разглядев их поближе, она удивлённо сказала мужу:

— Это следы когтей. Очень похоже на те, что медведь оставляет на свежем дереве, только меньше...

Они молча смотрели на собаку у своих ног, думая, что за драма разыгралась совсем недавно где-нибудь в лесу. Сейчас Маккензи впервые разглядели, что в глубине весёлых маленьких глазок собаки лежат тени, что шея неестественно тонка, что хвост неутомимо и радостно колотящий пол, облинял и истрепался. Перед ними была всего-навсего измученная старая собака, изголодавшаяся не только по пище, но и по ласке.

Ни у одного из супругов не возникло и тени сомнения, что будет дальше. Пёс останется у них, если захочет и будет получать от них все, в чем нуждается.

Они безуспешно обследовали белую шкуру и розовые уши, надеясь найти клеймо с номером. Затем было решено, что когда Маккензи поедет позднее в город за частями к новой маслбойке, то наведёт справки, сообщит о находке полиции и, может быть, даст объявление в городскую газету. Ну, а если из этого ничего не выйдет...

— Тогда ты, надо думать, сел нам на шею на всю жизнь, старый бродяга! — бодро сказал Маккензи, ловко подталкивая гостя носком ботинка так, что тот перевернулся с блаженным вздохом на спину и подставил подмышки, чтобы их почесали.

В это утро, открывая дверь, Маккензи увидел диких уток, летящих к маленькому озеру, куда впадал ручей, бегущий мимо фермы. Было ещё достаточно рано, чтобы сходить поглядеть, там ли они.

Он сунул в карман пригоршню патронов, снял со стены старую двустволку и отправился к озеру. Нэлл стала убирать со стола, обходя развалившуюся посреди комнаты собаку или перешагивая через неё. Собака следила за каждым движением женщины полуприкрытыми глазами.

На пути через поле, ещё покрытое туманом, Маккензи остановился зарядить ружьё, потом тихонько подкрался к маленькому, в зарослях ольхи, озерку. Раздвинув ветви, он увидел примерно на середине шесть диких уток. Они сидели вне выстрела. Поскольку ветер дул со стороны Маккензи, не было надежды, что утки к нему подплывут, разве если что-нибудь спугнёт их с противоположного берега.

Не успел Маккензи повернуть назад, как заметил, что камыши на противоположном берегу зашевелились. Встревоженные утки сразу же поднялись, громко крикая. Маккензи дважды выстрелил, когда они пролетали над ним. Одна шлёпнулась в воду, а другая упала на берег неподалёку. Эту утку он подобрал и только собрался пойти за лёгким каноэ, чтобы достать вторую, как к своему удивлению увидел большую голову плывущей к утке собаки.

Звук выстрела и плеск упавшей дичи подействовал на лабрадора, как зов трубы на старого боевого коня. Он прыгнул в воду и поплыл к утке, но тут же обнаружил, что не в состоянии открыть как следует пасть, чтобы схватить тяжёлую птицу, и был вынужден тащить её к берегу за конец крыла.

Шагах в двадцати от человека лабрадор вышел из воды. Красивая сизо-зелёная голова селезня волочилась по земле, крыло растянулось, радужное оперение блестело на солнце.

Лабрадор с сомнением смотрел на чужого человека, а тот, открыв от изумления рот, разглядывал собаку. Оба застыли в немом молчании. Наконец, человек пришёл в себя:

— Молодец! — сказал он спокойно, протягивая руку. — Здорово сработано! Теперь неси ко мне!

Пёс нерешительно подвинулся вперёд, волоча птицу.

— Дай! — приказал Маккензи, так как собака все ещё колебалась.

Лабрадор медленно пошёл вперёд и отпустил птицу. Теперь Маккензи с ужасом увидел, что его морда с одной стороны страшно раздулась, глаза превратились в щелки, верхняя губа оттопырена. В коже глубоко сидело несколько игл дикобраза — словно маленькие булавки в круглой подушечке для иголок. Мокрая шерсть обрисовывала торчащие ребра и, когда собака отряхивалась, Маккензи заметил, что она пошатнулась.

Человек быстро принял решение: неважно, чья это собака, но она нуждается в срочном лечении. Необходимо извлечь иглы сейчас же, пока воспаление не распространилось дальше.

Подняв утку, он ободряюще потрепал собаку по голове.

— К ноге! — сказал он твёрдо.

К его радости, собака без колебаний пошла позади него к дому.

Лабрадор так ослаб, что теперь страстно стремился лишь к одному — снова быть в мире людей, в том незыблемом мире, где распоряжается человек, а собака только подчиняется.

Пёс покорно брёл за человеком через поле, как вдруг Маккензи вспомнил о другой собаке, и в замешательстве нахмурился. Сколько ещё таких нуждающихся в помощи собак приведёт он сегодня в кухню своего дома?

Длинная тень Маккензи упала на поленницу, где грелся сонный сямский кот; он насторожился при виде незнакомого человека, тот же прошёл мимо, не заметив его, но собака тотчас узнала кота и приветствовала его коротким взмахом хвоста и движением головы.

Целый час Маккензи занимался собачьей мордой. Он удалил иглы дикобраза плоскогубцами, одна из игл проткнула насквозь небо и её пришлось тащить изнутри, но собака ни разу не зарычала, а только повизгивала, когда боль становилась невыносимой. Когда же Маккензи кончил, она в знак благодарности пыталась лизнуть его руки.

Должно быть облегчение наступило сразу, так как гной обильно вытекал через проколы и опухоль начала быстро спадать.

Пока продолжалась вся эта операция, дверь, ведущая из кухни в заднюю комнату, тряслась и громыкала, за ней непрерывно, жалобно скулил запертый терьер: он так мешал Маккензи, толкаясь ему в руки, видимо, беспокоясь, что люди причинят зло его товарищу, что Нэлл была вынуждена выманить его косточкой за дверь и быстро захлопнуть её перед собачьим носом. И теперь, все ещё подозревая обман, пёс всей тяжестью кидался на дверь. Но Маккензи решили не пускать его пока вторая собака не съест миску молока.

Джеймс пошёл мыть руки, а Нэлл с тревогой слушала беспокойную беготню и удары в дверь. Наконец, боясь, что пёс себе что-нибудь повредит, она отворила дверь. Терьер бешено влетел на кухню, готовый защитить своего друга, — но остановился, как вкопанный. На его морде появилось озадаченное, уморительное выражение, когда он увидел лабрадора, спокойно лакающим молоко. Потом они уселись рядом около двери, выказывая друг другу всяческие знаки внимания.

Их сильная взаимная привязанность и то, что они друг друга сразу узнали, означало, что собаки пришли из одного дома, Нэлл думала, что их выгнали оттуда, она все ещё не могла забыть, как страшно выглядела собака утром. Но сам Маккензи считал, что животные знали и заботу, и внимание, так как оба были очень дружелюбны и уверены в ответном расположении. Тем труднее было понять, что заставило их странствовать по столь опасным, глухим местам.

— Может быть, их хозяин умер и оба они убежали из дома? Или потерялись во время переезда через эти края и теперь пытаются найти обратную дорогу к знакомым местам? — гадал Маккензи.

Предположениям не было конца, но достоверным было одно: путь собак был настолько долгим, что раны от медвежьих когтей успели зажить, иглы дикобраза прошли насквозь в пасть, а сами псы оказались на грани голодной смерти.

— Они, вероятно, пробежали миль сто или даже больше, — говорил Маккензи, — может, они из самой Манитобы! Удивительно, чем они жили всю дорогу?

— Охотились? Попрошайничали на фермах? А может воровали? — предполагала Нэлл, с улыбкой наблюдая в кухонном зеркале, как утренний гость, видя, что хозяйка повернулась спиной, стянул с тарелки оставшийся от завтрака кусочек бекона.

— Вряд ли они могли многим поживиться — задумчиво сказал её муж. — У лабрадора одна кожа да кости. Долго бы он не продержался. Когда поеду в Дипуотер, запру их в конюшне. Нельзя допустить, чтобы они опять удрали... Ну, как Нэлл уверена ли ты, что хочешь иметь в доме двух чужих собак? Пройдёт, вероятно, немало времени прежде, чем их найдут, а может и никогда не найдут.

— Пусть живут сколько захотят, — просто ответила его жена. — Но надо непременно подобрать им какие-нибудь клички, а то обращаемся к ним только: «сюда» или «хорошая собака». Пока тебя не будет, я что-нибудь придумаю, — добавила она, — да снесу ещё молока в конюшню...

Кот видел со своего наблюдательного пункта на поленнице, как человек прошёл через двор и ввёл в тёплую, хорошо пахнущую конюшню обоих собак. Потом человек аккуратно запер за собой дверь. Вскоре по дороге, ведущей от фермы, прогремыхал грузовик и все стихло.

Несколько любопытных кошек набрались смелости и подошли к поленнице, негодуя на необычного пришельца, который завладел их любимым местом на солнцепёке.

Сиамец и в лучшие-то времена недолюбливал других кошек, даже своей породы, а уж деревенских и вовсе не переваривал. Он с ненавистью разглядывал их, обдумывая план действий.

После двух-трёх умелых ударов стая кошек рассеялась, а пират в чёрной маске вернулся на своё ложе досыпать. Но скоро он проснулся, всласть потянувшись, спрыгнул вниз, и, осторожно оглядевшись, подкрался к двери конюшни. Тут он заунывно завыл, и в ответ послышалось лёгкое шуршание соломы.

Кот не спеша приготовился и легко подпрыгнул, пытаясь ухватиться за задвижку. Но на сей раз он оказался недостаточно ловок — щеколда осталась на месте. Кот, рассерженный неудачей, снова прыгнул и на этот раз добился успеха — одной лапой повис на деревянной ручке, а другой откинул щеколду. Дверь, дрогнув, отворилась.

Сдержанно мурлыча, кот вошёл внутрь, и тут же попал в объятия своего старого приятеля. Однако, обнюхав пустую миску, кот разочарованно покинул конюшню. Обе собаки последовали за ним и все трое, пройдя через залитый солнцем двор, скрылись в курятнике. Оттуда тотчас выскочило пронзительно кудахта несколько испуганных кур, а кот пошёл туда, где они неслись. Он умело обхватил согнутой лапой ещё тёплое, коричневатое яйцо и, крепко держа, надкусил его с острого конца длинным передним клыком. Содержимое он аккуратно вылил на солому и съел.

Кот овладел этим искусством давно, в результате многочисленных набегов на курятники. Прежде чем снова вернуться на свою поленницу, он аккуратно и неторопливо съел ещё два яйца.

Когда во второй половине дня Маккензи въехал во двор фермы, он поразился, увидев обеих собак, спящими на солнце под прикрытием кормушки для скота. Услышав шум, они поднялись и подошли к грузовику, приветственно помахивая хвостами, пока он разгружал машину, а затем следом за ним пошли в дом.

— Ты выпустила их из конюшни, Нэлл? — спросил он, разворачивая на кухонном столе свёрток и незаметно опустив в разинутую по-акульи пасть косточку с мясом.

— Конечно, нет! — удивлённо ответила его жена. — Я носила им молоко, но отлично помню, что как следует заперла дверь.

— Может, не опустила до конца щеколду, — сказал Маккензи, — но, во всяком случае, — они ещё здесь. Морда у лабрадора стала лучше. Надеюсь, сегодня вечером он сможет прилично поесть. Хочется, чтобы на этих костяхросло немного мяса.

Маккензи рассказал, что в Дипуотере о беглецах ничего не известно, но, видимо, они идут с востока. Прошлой ночью рабочий норочьего питомника на Арч-Крик прогнал со своего порога белую собаку. Он принял её за местную белую дворнягу, известную воровку.

Большинство думает, что лабрадор потерялся во время охоты. Вот только никто не понимает, каким образом у него оказался такой неподходящий спутник, как бультерьер.

Индийский агент хочет взять лабрадора себе, если никто не потребует его: недавно у агента сдохла охотничья собака.

— Вот ещё! Не будет этого! — негодуяще воскликнула Нэлл.

— Ещё бы! — смеясь сказал её муж. — Я так и ответил. Сказал, что мы ни за что не разлучим собак. Будем держать их пока сможем. Но знай, Нелл, если они затеяли куда-нибудь идти, если у них есть цель, — ничто на свете не удержит их здесь. С ног будут валиться, а всё-таки поползут дальше — по зову инстинкта. Все, что мы можем сделать — подержать их пока взаперти и подкормить. Если они и уйдут потом, мы, по крайней мере, будем знать, что они не умрут с голоду.

После ужина Маккензи и их гости перешли в маленькую уютную заднюю комнату. Здесь на полках ещё стояло много детских книг, на стенах вплотную друг к другу висели потускневшие фотографии и охотничьи трофеи, чучела рыб и рисунки старших детей, ложки и наградные ленты, собачьи родословные и томагавк.

Мирно попыхивая трубкой, Маккензи сел к столу и занялся оснасткой модели шхуны, а жена стала вслух читать ему «Трое в лодке».

Спокойный Лабрадор, который сытно и вкусно поужинал, теперь растянувшись во всю длину, лежал под столом и спал глубоким сном измученного и наконец нашедшего убежище животного. В глубине старого

кожаного дивана тихонько посапывал старый терьер, положив голову на подушку и задрал вверх все четыре лапы.

Вдруг тишину нарушил шум: во дворе затеяли драку кошки. К удивлению супругов, обе собаки сразу же сели и приветственно замахали хвостом, всем своим видом выказывая радость и интерес.

Позже они охотно пошли за Маккензи в конюшню, где он навалил сена в угол пустого денника и поставил для них полную миску воды. Маккензи плотно запер за собой дверь и убедился, что щеколда крепко задвинута и не соскакивает, даже если дверь потрясти.

Вскоре погас свет в нижнем этаже дома, а вслед за ним — и в спальне наверху.

Собаки лежали в темноте, чутко прислушиваясь. Скоро послышалось лёгкое царапанье когтей о дерево, задвижка щелкнула и дверь слегка приоткрылась ровно настолько, чтобы пропустить узкое кошачье тело. Прежде чем свёрнуться клубком у груди старого пса, сиамец низко, раскатисто помурлыкал, поочерёдно поднимая передние лапы и как бы утаптывая сено. Затем он умиротворённо вздохнул и в конюшне воцарилась тишина.

Молодой пёс проснулся в холодный предрассветный час. Он увидел несколько последних бледных звёзд, которые посылали, понятные лишь ему, сигналы. Пора было двигаться дальше, пора было спешить к западу.

У дверей конюшни к Лабрадору присоединился, зевая и потягиваясь кот, а потом и старый пёс, дрожащий от холодного утреннего ветра.

Они некоторое время неподвижно сидели, прислушиваясь, и вглядывались в тёмный двор фермы, где уже просыпались домашние животные.

Надо было уходить. Предстояло пройти много миль, прежде чем можно будет сделать первый привал и погреться в тёплых лучах солнца. Друзья бесшумно пересекли двор и вышли в поле, направляясь к тёмной полоске леса вдали. На покрытом инеем жнивье за ними тянулись три це-

почки следов. Когда они свернули на оленью тропу, уходящую на запад, в верхнем этаже дома зажгся свет.

Животным оставалось пройти последние пятьдесят миль. Было очень хорошо, что они подкормились и отдохнули. Большая часть их пути теперь шла через Стреллонский заповедник — место более суровое и пустынное, чем те, через какие им приходилось переходить до сих пор. Отважным путешественникам предстояли морозные дни, опасная и утомительная дорога. Тут не было людей, от которых можно ожидать помощи. И самое худшее, что их вожак был слаб и болен.

10

Вверх по реке Святого Лаврентия, что в восточной Канаде, к Монреалю на всех парах шёл лайнер. Позади остался Квебек. На верхней палубе, облокотившись о перила, стояли Хантеры, глядя на открывающуюся панораму. Они, наконец, возвращались домой после долгого пребывания в Англии.

С тех пор, как лайнер вошёл в залив, дети, Питер и Элизабет, очень взволнованные, почти не покидали палубы. Проснувшись утром, они начали подсчитывать часы, оставшиеся до прибытия домой. Дети радовались и возвращению на родину, и предстоящей скорой встрече с друзьями, с родным домом и — не в последнюю очередь — со своими четвероногими любимцами.

Элизабет без конца говорила, как она встретится с котом, втайне желая, чтобы её убеждали, что Тао её не забыл. Она везла ему в подарок красный кожаный ошейник.

Питер же был совершенно счастлив и нисколько не сомневался, что его возвращение будет само по себе прекрасным подарком для Боджера. С тех пор, как он себя помнит, его не покидала уверенность, что собака всегда рядом и полностью принадлежит ему...

Их отец, глядя на бесчисленные стаи диких уток в утреннем небе, предвкушал, как вскоре он, вместе с нетерпеливым Люэсом, снова уви-

дит их над заболоченной дельтой или над убранными полями, у себя, на западе...

А за тысячу миль отсюда за письменным столом сидел Джон Лонгридж, держа в руке письмо от своей крестницы. Его мысли были также мрачны, как пустой, безмолвный дом, в который он только что вернулся. С упавшим сердцам он прочёл взволнованные строчки о том, как Элизабет мечтает поскорее встретиться с котом Тао и, разумеется, с собаками, и опустил письмо, так и не дочитав его до конца. При взгляде на календарь, отчаяние Лонгриджа усилилось: если Хантеры успеют на утренний самолёт, то будут дома на следующий день к вечеру, и следовательно, через двадцать четыре часа Лонгридж должен будет сообщить им убийственную новость, что животные исчезли и сам он не имеет ни малейшего представления, где они и что с ними.

Миссис Оукс также была расстроена. Вместе с Лонгриджем они разгадали, что случилось с обгоревшей запиской и в результате недоразумений, животные убежали, как будто сознательно выбрав для этого подходящий момент. Правда, именно этот факт убеждал его в том, что подопечные его не сбежали: если бы им здесь было плохо, они могли уйти и тогда, когда Лонгридж был дома.

Лонгридж уже обдумал все возможные несчастья, которые могли произойти с животными: смерть на дороге, отравление, капканы, похищение, заброшенные колодцы. Но и самое пылкое воображение не могло представить, что случилось одновременно с тремя животными столь различного нрава. Также неясно было, каким образом такое, бросающееся в глаза трио прошло незамеченным через их небольшой посёлок.

Он выспрашивал у школьников, друзей Боджера, про беглецов, но никто из детей обычно столь наблюдательных, не видел в то последнее утро ни самих собак, ни какой-нибудь чужой машины, вообще ничего необычного. Ни один из многочисленных постов полиции тоже ничего не смог сообщить.

И все же Лонгридж обязан завтра сказать Хантерам что-либо более или менее определённое: если уж не на что надеяться, то надо, по крайней мере, выяснить, куда же делись животные.

Он сжал руками голову и постарался направить свои мысли в разумное русло. Животные не могли раствориться в воздухе. Должно же быть какое-то убедительное объяснение. Причину их исчезновения надо искать в обычной, каждодневной жизни. В памяти зашевелилось какое-то полустёршееся воспоминание, но он ещё не мог его восстановить...

Уже темнело. Лонгридж включил свет и встал, чтобы разжечь камин. Тишина в комнате действовала угнетающе. Когда он поднёс спичку к растопке и смотрел, как вспыхнуло пламя, ему вспомнился последний вечер у этого камина.

Он вновь увидел пару загадочных сапфировых глаз на чёрной, как маска, морде кота, удобно развалившуюся белую собаку, тёмный угол, в котором сидела другая собака, тоскующая, прислушивающаяся... Перед ним всплыли глаза рыжего Люаса, он вспомнил, что лабрадор вёл себя совсем не так, как остальные, вспомнил, как в последнее утро он неожиданно протянул ему лапу...

Внезапно Лонгриджа осенило. Он понял всё!

Дверь отворилась, вошла миссис Оукс.

— Я знаю теперь, куда они ушли, — медленно произнёс Лонгридж — Люас увёл их домой, увёл всех их назад, домой!

Миссис Оукс с минуту недоверчиво глядела на него молча, потом испуганно воскликнула:

— Нет! Нет, они не могли этого сделать! Не может быть! Ведь до дома Хантеров около трёхсот миль! Кто-нибудь увидел бы их, сказал бы нам...

Но тут миссис Оукс запнулась, вспомнив, что у собак не было ошейников, а у терьера не было и клейма на ушах, так как пёс был зарегистрирован в Англии.

— Они идут, где их никто не может увидеть, — задумчиво произнёс Лонгридж. — Они идут, повинаясь инстинкту, самым коротким путём на запад — напрямик через хребет Айронмаус.

— Через Айронмаус? — с ужасом повторила миссис Оукс, — если это так, нам не на что надеяться, — там медведи, волки и всякое зверьё и, если наших беглецов не сожрали в первый же день, то они погибли бы от голода.

У женщины был такой удручённый вид, что Лонгридж счел необходимым её подбодрить: животных вполне мог приютить какой-нибудь охотник или старатель; может быть, уже сейчас кто-нибудь спешит к телефону...

Но миссис Оукс была безутешна.

— Не будем обманывать себя, мистер Лонгридж, прервала она его. — Предположим, молодая собака могла пройти по этим местам. Даже кошка могла — никто не умеет так о себе заботиться, как кошки. Но мы с вами прекрасно знаем, что старого белого Боджера не хватило бы и на десять миль. Пёс уставал, даже когда мы шли с ним к моей сестре. Правда, он ещё и притворялся, чтобы у меня что-нибудь выклянчить, — произнесла миссис Оукс улынувшись, — но ведь это факт, что ни одна собака его возраста не выживёт и двух дней, отправившись в этукую глушь.

Она замолчала, глядя в окно на сгущавшиеся сумерки.

— Вы правы, миссис Оукс, — промолвил Лонгридж. — Нам придётся признать это — старика почти наверняка нет в живых. Ведь в конце концов, прошло почти четыре недели. По совести говоря, я уверен, что и Тао не выдержал, — добавил он. — Сиамские кошки не выносят холода. Но если все они действительно направились домой, есть шансы, что большой, сильный Люас дойдёт до цели.

— Ох, уж этот Люас — вздохнула миссис Оукс, — повёл на верную гибель кроткого, старого пса! А уж бессердечный кот, нет сомнения, подстрекал его! Я никому из них не отдавала предпочтения, но...

Дверь затворилась за ней и Лонгридж понял, что миссис Оукс не выдержала и расплакалась.

Придя к убеждению, что собаки пошли домой, Лонгридж, не теряя времени, принялся за дело. Он позвонил начальнику управления земель и лесов и получил в ответ заверение, что на следующий день сообщение будет разослано по всему управлению и доведено до сведения каждого лесника и егеря. Начальник управления предложил также позвонить местному лётчику, который доставлял охотников в самые отдалённые уголки и знал лично почти всех проводников-индейцев. Лётчик был в рейсе и должен был вернуться лишь на следующий день. Жена его посоветовала обратиться к редактору сельскохозяйственного отдела местной газеты.

Редактор был на соревновании фермеров по вспашке, но его мать сказала, что гидроплан службы лесной охраны может летать в любые места района.

Управляющий авиалинией предложил снестись с экипажами на следующее утро и посоветовал позвонить заведующей сельским узлом связи; к ней приходили все новости из самых отдалённых уголков...

Все сочувствовали, все хотели помочь, но пока Лонгридж ничего не добился. Недоставало, чтобы из телефонного узла ответили, что заведующей не будет до завтра, так как она отправилась навестить племянницу, живущую за рекой, или что буря оборвала все провода сельских телефонных линий, и так далее. Предвидя подобные разочарования, Лонгридж принялся разыскивать карту района.

Он нашёл крупномасштабную карту и провёл на ней прямую линию от своего маленького посёлка к университетскому городку, где жили Хантеры, выписав названия мест, через которые прошла линия. Как он и думал, населённых пунктов было очень немного, и линия большей частью шла через необитаемые холмы и озера. Последние сорок или пятьдесят миль, приходящиеся на Стреллонский заповедник, показались ему особенно зловещими и недоступными. Возникшая было надежда постепенно таяла, и он теперь сожалел, что сам предложил взять животных.

Если бы он тогда промолчал и не лез в чужие дела, все они были бы живы. Снова взглянув на карту, Лонгридж решил, что животные неминуемо погибли от холода, истощения и усталости.

А, уже завтра Хантеры будут дома...

Он снял трубку и вызвал заведующую сельской телефонной сетью.

Поздно ночью раздался телефонный звонок. Телефонистка из Линтолы сообщала, что школьная учительница как-то упомянула, будто девочка Нурми недели две назад спасла захлебнувшуюся при разливе речки Кег сиамскую кошку. Но через несколько дней кошка снова исчезла (Лонгридж тут же взглянул на карту и убедился, что Линтола находится на много миль южнее прочерченной линии). Если завтра в полдень мистер Лонгридж позвонит в Линтолу и вызовет номер 29, четыре звонка, она постарается, чтобы девочка была у телефона и мистер сможет сам с ней поговорить.

У заведующей было ещё одно сообщение, которое она передала лишь на всякий случай, сильно сомневаясь в его достоверности. Старый Джереми Обин, живший на старом руднике Доранда и приходивший раз в месяц за своей почтой, на этот раз рассказал о каких-то «посетителях», хотя все отлично знали, что последний человек, прошедший двенадцать миль до рудника через глухую тайгу, был его брат, умерший три года назад. Бедный старик! Он всего и смог сказать о своих гостях, что «это были очень приятные люди».

— Этот мистер Обин так давно живёт один, среди диких животных, что может легко все перепутать, — деликатно добавила телефонистка.

Лонгридж горячо поблагодарил её и, положив трубку, взялся за карту. Он не стал принимать в расчёт сообщение старика с рудника Доранда, полагая, что тот говорил о каких-нибудь старателях-индейцах, а сосредоточил все внимание на Линтоле.

Видимо, он был прав: животные действительно направились к себе домой. Итак, недоуменно рассуждал он, две недели назад кот был жив, хотя, судя по карте, прошёл уже больше ста миль. Но что случилось с со-

баками? Возможно, они утонули как утонул бы и кот, если бы не девочка...

Сон никак не шёл к Лонгриджу этой ночью. Он лежал в темноте с открытыми глазами, и думал, что отдал бы многое, чтобы сейчас почувствовать, как старый пёс тяжёло прыгнул к нему на постель. А каким чёрствым и нетерпимым бывал Лонгридж раньше, когда просыпался среди ночи оттого, что пёс толкал его, всячески стараясь вытеснить с кровати!

«Сегодня ночью, — думал с горькой усмешкой Лонгридж, я бы уступил ему всю кровать. Я даже лег бы в корзину, если бы только он вернулся!»

11

Всю следующую неделю Лонгридж и Хантеры собирали сведения о пропавших животных. Сведения эти подчас были запутанные и противоречивые, совпадения выглядели просто неправдоподобными, и им было трудно верить. Казалось, все мужчины, женщины и дети, встречавшие за последние пять лет на своём пути собаку или кошку, считали нужным им об этом сообщить. Все вокруг выказывали необычайное участие и старались помочь, так что у Лонгриджа и Хантеров собралось несколько сообщений действительно от очевидцев.

Догадка Лонгриджа о направлении движения животных подтвердилась. Собаки (о кошке больше не было никаких сведений) шли на запад почти по компасу, и нанесённая на карту линия была замечательно точной.

Брат одного из проводников-индейцев, работавших с лётчиком в тайге, встретил родственника, недавно вернувшегося с уборки дикого риса. Тот слышал фантастический рассказ про кошку и собаку, которые неожиданно появились ночью среди племени Оджибвеев и заколдовали жатву, так что урожай риса в этом году был в тысячу раз больше, чем раньше.

Маленькая девочка, которую звали Хельви Нурми, жалобным голосом, со слезами рассказала о красивом сиамском коте, который пробыл у них так недолго.

Откуда-то с хребта Айронмаус лесник сообщил о виденных им двух собаках.

У телефона-автомата в универмаге слышали, как сердитый фермер из Филипвилля грозился, что если ему ещё раз попадетс я эта белая собака («безобразный, как дьявол, огромный свирепый и сильный пёс»), которая растерзала целый выводок выставочных цыплят и зверски искусила его бедного, смиренного колли — он переломает ей все кости!

Когда Питер это услышал, он в первый раз улыбнулся. Перед ним, как живой, встал Боджер — забияка, у которого нет большего наслаждения, чем подраться! Питер предпочёл этот слух всем другим, так как знал, что таков старый пёс, неукротимый, своенравный, весёлый, настоящий клоун. Но мальчик не хотел растравливать себя напрасной надеждой. Боджера несомненно не было в живых, а всего вероятнее, и Люаса. Мальчик был в этом твёрдо убежден.

Элизабет держалась совсем противоположной точки зрения. Она верила, что её Тао жив и рано или поздно возвратится, несмотря на то, что о нем не было известно ничего с момента, как он ушёл от Нурми, а это было так давно и далеко...

Но в такой счастливой уверенности пребывала она одна. После того, как добрейший Джеймс Маккензи сообщил по телефону, что десять дней тому назад собаки были живы, вся семья внимательно изучила по карте их дальнейший путь. Это была пустынная, дикая местность, чересчур суровая даже и для выносливой молодой собаки. Что же говорить о больных, измождённых, полумёртвых от истощения собаках, как описал Маккензи и вожака и старого пса.

Оставалось только желать, чтобы конец их путешествия наступил быстро и, по возможности, милосердно.

Лонгридж гостил у Хантеров. Отчасти, чтобы избавиться от надоевших телефонных звонков любопытных доброжелателей, а также пото-

му, что на ближайшее воскресенье приходился день рождения Питера, которому исполнялось двенадцать лет.

Лонгридж предложил всем провести конец недели на летней даче Хантеров у озера Уиндиго. Хотя домик уже закрыли на зиму, можно было взять с собой спальные мешки и расположиться в жилой комнате и кухне, где была печка.

Элизабет сначала возразила — ей не хотелось, чтоб дом остался пустым — вдруг как раз в конце этой недели Тао вернется. Но Лонгридж доказал ей, что озеро Уиндиго лежит как раз на пути на запад, на той линии, которую он проложил на карте. Он также напомнил девочке, что Тао прекрасно знает окрестности на много миль кругом, — сколько раз он вместе с собаками участвовал в вылазках!

Как ему показалось, Элизабет слишком легко дала себя уговорить и даже уложила красный ошейник. Лонгридж теперь опасался, что ей придётся разочароваться...

Домик вызвал массу воспоминаний. Но в это время года все выглядело по-новому и, казалось, поэтому будет легче приучить себя к мысли об утрате и смириться с ней... Холодное озеро без лодок и несколько запертых, пустых коттеджей с наглухо закрытыми ставнями. Теперь, когда деревья оголились и облетел подлесок, обнаружились тропинки, о существовании которых дети не подозревали.

У Питера был новый фотоаппарат и он часами подстерегал бурундуков, белок и птиц. Элизабет проводила большую часть дня в шаткой беседке, построенной ещё прошлым летом между трёх высоких берёз на берегу озера.

В последний день — это было воскресенье, день рождения Питера — они решили совершить последний поход к озеру Аллен-лейк, затем подняться прямо к вершине, откуда открывался очень красивый вид и вернуться домой вдоль берега озера.

Это была отличная прогулка на чистом, свежем воздухе, по толстому слою мягкой листвы, покрывающей тропинку, в непередаваемой целительной тишине северного леса.

Большую часть пути они прошли молча, каждый был занят своими мыслями. Для Джима Хантера прогулка без собаки была лишена всякой прелести. Он вспоминал осенние дни, когда с ружьём в руках шагал по такому же мирному пустынному лесу, а Люас рыскал из стороны в сторону: обнаружив куропатку, он взволнованно лаял; затем в руку тыкалась мягкая морда пса, осторожно подающего подстреленную птицу. Он вспоминал утренние и вечерние зори на озерах и болотах Манитобы — часы заморозков, проведенные вместе в терпеливом ожидании — на каноэ или в скрадках на сжатых полях. Рассказ Маккензи о принесённой Люасом утке сильнее всего разбередил сердце Хантера: он понимал, какое унижительное чувство испытывала собака, когда ей пришлось тащить птицу за крыло, а не в пасти, сведённой от боли.

Питер поднялся напрямик по крутому скалистому склону холма. Он сидел на пне, глядя перед собой невидящими глазами и вспоминал, как год назад в это же время пытался дрессировать Боджера для охоты. Он бросал набитую кожаную перчатку в кусты, предварительно выстрелив из ружья. В первый день пёс охотно участвовал в его затее, быстро находил и приносил, но дальше пёс начал скучать и сердиться, прижимал уши, уныло опускал хвост и наконец стал совершенно глух и хромал на все лапы с невыносимым видом мученика.

Тренировки прекратились сами собой после того, как два дня подряд Боджер появлялся из кустов с покорным и удивлённым видом, но без перчатки. Питер улыбнулся, вспомнив как на третий день он, выстрелив, неслышно прокрался по следам своей «Белой Надежды» в глубину зарослей и нашёл коварного Боджера, с бешеной быстротой роющего могилу для третьей перчатки...

Питер вздохнул, украдкой вытер глаза тыльной стороной ладони и услышав, что семейство приближается поднял фотоаппарат.

Все долго сидели на гладких камнях на вершине холма, где в далеком прошлом индейцы сооружали свои сигнальные костры, возвещавшие об опасности. Отсюда видны были за бесконечной вереницей других озер и поросших лесами холмов неясные контуры Великого Верхнего

озера. Кругом царили мир и спокойствие. Синичка-черноголовка спела трогательную коротенькую песню, а вездесущая сойка бесшумно села в нескольких шагах поклевать крошки печенья.

Вдруг Элизабет вскочила:

— Слушайте! — воскликнула она. — Послушай, папочка! Я слышу, как лает собака...

Наступила полнейшая тишина, все напряжённо вслушивались. Но никто ничего не услышал.

— Тебе показалось, — сказала девочке мать, — а, может быть, это была лисица. Идём, нам пора возвращаться!

— погоди, погоди! Одну минуточку — вы тоже услышите через минутку! — прошептала Элизабет.

Мать вспомнила, что у девочки чрезвычайно острый слух, что она слышит писк летучих мышей и другие звуки, которые не улавливает ухо взрослых.

На лице Элизабет медленно расцвела улыбка:

— Это Люас! — уверенно заявила она, — я узнала его лай.

— Не обманывай нас, Лиз, — тихо, и недоверчиво сказал отец, — это...

Теперь и Питеру показалось, что он что-то слышит.

— Ш-ш-ш!..

Вновь наступило молчание. Но всюду было тихо.

И все же Элизабет казалась настолько уверенной и это так явно было написано у неё на лице, что и Джим Хантер почувствовал колебание и надежду: действительно, что-то должно произойти.

Хантер поднялся и торопливо пошёл вниз по узкой тропинке туда, где она сливалась с более широкой дорогой, ведущей к подножию холма.

— Папочка, свистни! — за его спиной проговорил запыхавшийся Питер.

Раздался пронзительный, резкий свист и почти одновременно с откликнувшимся эхом откуда-то с ближнего холма донёсся радостный ответный лай.

Тихий день клонился к вечеру. Люди стояли на дороге, собираясь приветствовать усталого путника, который шёл к ним издалека, движимый слепой верой и преданностью.

Им не пришлось долго ждать. Из зарослей на крутом склоне холма выскочил на тропинку зверёк пшеничного цвета на чёрных лапках. Он сделал грациозный прыжок футов в шесть и мягко упал к их ногам. Раздался ни с чем не сравнимый, вопль: это приветствовал хозяев сиамский кот.

Лицо Элизабет сияло от радости. Она опустилась на колени и подняла громко мурлыкающего кота.

— О, Тао, — произнесла она тихонько, беря его на руки, а он обхватил её за шею чёрными лапками.

— Тао! — прошептала девочка, пряча нос в пушистый, пахнущий дикой мятой мех, и кот ещё крепче ухватился за шею ребёнка, так что Элизабет чуть не задохнулась.

Лонгридж никогда не считал себя особенно чувствительным человеком. Но когда, вслед за котом показался лабрадор и он увидел его измождённого со свалявшейся шерстью; когда пёс со всех ног бросился к своему хозяину и безграничная собачья преданность светилась в его ввалившихся глазах; когда послышались странные, сдавленные, непонятные звуки, которые издавал лабрадор, прыгая на хозяина; когда он увидел, какое лицо было у его друга — Лонгридж почувствовал, как к его горлу подкатился комок. Ему пришлось отвернуться словно для того, чтобы разжать на шее девочки лапки Тао.

Шли минуты. Собравшись вокруг собаки, люди взволнованно переговаривались, ласкали её, гладили и подбадривали, пока пёс уже совсем перестал сдерживаться, сильно вздрагивая, принялся так лаять, что казалось уже никогда не остановится. Он не сводил с хозяина оживших, блестящих глаз.

К общему шуму присоединился сиплый вой кота, сидящего на плече у Элизабет.

И вдруг, будто всем сразу, пришла в голову одна и та же мысль. Наступило молчание. Никто не смел взглянуть на Питера. Мальчик стоял в стороне и мял в руках прутик, пока тот не превратился в мягкую ленточку. Питер не дотронулся до Люаса и отвернулся, когда пёс, обходя всех поочередно и приветствуя почти по-человечески, наконец подошёл к нему.

Питер только сказал:

— Я рад, что он вернулся, папочка. И твой старый кот Тао тоже, — обратился он с вымученной улыбкой к сестре.

Простодушная и непосредственная Элизабет залилась слезами. Питер неловко, застенчиво почесал у Тао за ухом:

— Я не ожидал ничего другого, я же говорил вам. Вот что, — продолжал мальчик, отчаянно стараясь казаться весёлым и не глядя никому в глаза, — вы все идите вниз, я догоню вас немного погодя. Мне хочется пойти обратно на вершину и попробовать сфотографировать сойку.

Лонгридж мрачно подумал, что эта фотография вряд ли будет чёткой. Вдруг он бодро заявил:

— Не пойти ли нам вместе, Питер? Я стану бросать крошки и, быть может, подманю птицу поближе.

К его удивлению, мальчик согласился.

Они поглядели вслед семейству, спускавшемуся извилистой тропой вниз к дороге. Элизабет все ещё прижимала к себе Тао, а Люас занял, наконец, долгожданное место у ноги своего хозяина.

Питер и Лонгридж пошли обратно к вершине. Они сделали несколько снимков, срезали с дерева разросшийся древесный гриб необычной формы. Они наткнулись также на редкую находку — цилиндрический стержень алмазной дрели. И без умолку говорили: о ракетах, орбитах, космическом пространстве; серьёзно разбирали вопрос о семи желудках коровы; толковали о погоде на завтра. Но ни один не упомянул о собаках.

Все ещё разговаривая, они вернулись к развилке дороги. Лонгридж украдкой взглянул на часы. Пора было возвращаться домой. Он взглянул на Питера:

— Ну, давай... — начал он, но его голос прервался, когда он увидел застывшее, напряжённое лицо стоявшего рядом с ним мальчика. Лонгридж посмотрел по направлению его взгляда. В косых лучах солнца по тропинке, подпрыгивая, приближался к ним бультерьер. Он шёл как всегда враскачку. Хвост его болтался как потрепанный флаг. Покрытые шрамами уши стояли настороженно, благородный розово-чёрный нос принюхивался, пытаясь почувствовать то, чего не могли увидеть близорукие глаза.

Тощий, усталый и голодный, но счастливый старый воин возвращался из пустыни. Боджер приближался к ним с быстротой, на которую только был способен.

Шейла Барнфорд
НЕВЕРОЯТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
Издательство "Лесная промышленность"
Москва 1968
Редактор Г. Л. Левинсон

Он бежал все быстрее, пока, наконец, не бросился к Питеру, как молодой щенок.

Тут Лонгридж отвернулся и оставил мальчика и собаку вдвоём: им все равно было не до него.

Он шёл вниз по тропе, от волнения ничего не видя вокруг. На полпути около него прошмыгнул с быстротой молнии маленький зверёк. Он проворно увернулся от него и за тот миг, пока он не исчез, Лонгридж различил чёрную мордочку и длинный чёрный хвост.

Это был Тао, возвращавшийся к старому другу, чтобы завершить своё путешествие вместе с ним.

Редактор издательства Л. А. Жукова
Технический редактор В. В. Куликова
Корректор Е. Н. Соколова
Обложка и иллюстрации художника А. М. Орлова